

ПОВЕЋРИЕ

Анѣска

Поветрие Поветрие

П. Аннеска

«Издательство «Перо»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Поветрие П.

П. Аннеска / П. Поветрие — «Издательство «Перо», 2022

ISBN 978-5-00204-347-7

Во времена, когда мост Юдиты соединял пражские берега воедино, юная монахиня по имени Аннеска покидает родное аббатство, дабы исполнить великую миссию. В ее руках – чудотворная реликвия, которую надлежит вместить в десницу Помазанника Божьего. Покинув монастырь, Аннеска попадает в мир, полный символизма и контрастов – где переплетаются явь и сон, святость и суетность, ясность и кромешная тьма, где безумие стремится поглотить страждущую душу. И только Божественное Провидение дарует свет надежды, обратная сторона которой – стремление к недостижимому спасению собственной души.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00204-347-7

© Поветрие П., 2022
© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

I	6
II	7
III	8
IV	9
V	11
VI	13
VII	14
VIII	16
IX	18
X	21
XI	23
XII	26
XIII	34
XIV	36
XV	38
XVI	40
XVII	42
XVIII	43
XIX	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Поветрие П. Аннеска

© ПОВЕТРИЕ, 2022

© София Белоусова, 2022

I

Дар благодати Христовой коснулся моей души едва ли не с самого рождения. Почтенные сестры во главе со светлейшей настоятельницей Вендулой исполнили просьбу моей матери, взяв меня на попечение в свою обитель – один из монастырей Великой Богемии. Именно там меня нарекли именем Аннески Уславской, мне был дарован кров, свет, а также умение обращаться со словом Божиим. Воспитанная в строгости и нестяжательстве, обученная искусству правильной молитвы и азам классических наук, я должна была посвятить всю жизнь свою служению Господу нашему. На протяжении восемнадцати зим, почти сразу после того, как я получила дар членораздельной речи и способность ходить, изо дня в день я стояла в недвижимости среди сестр своих, одетых в невзрачные рясы, и восхитительные песнопения псалмов изливались из уст моих. Сие размеренное, но в то же время искреннее служение Господу, подкрепляемое переписью античных манускриптов, коих было достаточно в библиотеке этой крепости Божьей, составляли основу моего бытия.

Моя жизнь текла неизменно до той летней поры, когда наша настоятельница внезапно пала от немощи и, будучи на смертном одре, созвала сестер, дабы раздать им последние наставления. Каждая из нас получила священное указание «хранить верность христианским заповедям по образу девства Божьей матери, самоотверженно прославлять Господа нашего Иисуса Христа, а также содержать обитель нашу в святости и чистоте, укрепляя веру по латинскому обряду внутри ее и за ее пределами». Мне же было поручено большее: по воле Вендулы я должна была немедленно покинуть стены монастыря, дабы самоцвет Гильома – реликвия сего прихода – обрела свое истинное пристанище в деснице Помазанника Божьего и тем самым возвеличила Славу Христа на территории всей Богемии, а быть может и далее.

Я подчинилась сей воле безропотно и бесстрашно, рассудив, что смысл метафоры, которая определяет мою миссию, обязательно явится мне, если я сохраню и приумножу собственное стремление к праведности и самоотверженности во всех последующих действиях. Кроме того, я искренне надеялась, что успех моего странствия мог бы стать платой за мое излечение от болезненных видений пустошей Преисподней, которые случались со мной все чаще и явственнее по мере моего взросления. В начале своего путешествия я смела полагать, что по исполнению мною обета, данного Вендуле, Господь освободит мой разум от все крепче сжимающей его медвежьей хваткой безумия.

Итак, в начале следующего дня, облаченная в ветхую шерстяную робу, я, благословленная умирающей Вендулой, связанная с ней и Сестрами по вере священным Обязательством, положила начало своему одинокому странствию. Все, что происходило со мной далее, я обязалась записывать в дневник, единственное предназначение которого – явить читателю свидетельство моего праведного воссоединения с божественной благодатью или же греховного падения в бездонную пасть Люцифера.

II

Необъятный луг – первое, что предстало моему взору, стоило мне проделать не более тысячи шагов прочь от Обители. Я не помнила, когда последний раз покидала намоленные чертоги монастыря, и от этого мне стало не по себе. Тревога в смешении с изумлением от вида бескрайнего пространства, устланного разноцветными и необычайно яркими лоскутами ботанических чудес, ввергла меня в оцепенение. Но сколь ни были чарующе яркими полевые цветы и травы, чьи стебли устремлялись ввысь, и сколь ни был невероятен их волшебный аромат, сие изобилие жизни было не в силах преодолеть пелену бесцветного небосвода, застывшего во вселенском унынии и растворявшего в себе всех и вся. Чем глубже я проникала в недра луга, тем сильнее замедлялось время и меркли оттенки бытия вокруг. Считанные мгновения оставались до того, как небесная сфера бесповоротно объяла бы своим вязким естеством все сущее, побуждая твердь обратиться в себя саму, а звуки в безмолвие... Лишь обращенная к Господу молитва, произнесенная сотню тысяч раз, пробудила в моей мечущейся душе силы избежать погребения заживо в обступающей со всех сторон блеклости и мертвенном отчаянии. Благодаря ей бесцветность была сломлена, на смену ей явились привычные сумерки, поразившие мои телесные члены невыносимой усталостью и дрожью.

Лишившись света, испытывая нужду в пище и воде, я чувствовала, как сердце, угнетенное слабостью, бьется все медленнее и громче, предвещая скорое падение тела моего на разрезающую плоть подобно клинкам траву. Но и при сиих обстоятельствах мой разум продолжал здравствовать, влекомый вперед повторяемыми снова и снова словами Священного Гимна, восхваляющими величие Творца, ограждающими от непоправимого.

Темно-синие плоды ежевики утолили мой голод. Сладость спелой и сочной ягоды, так не похожая на вкус монастырской пищи, наполнил мои уста и побудил меня ощутить удовольствие. Эмоции, рожденные усладой, оказались двойственными. Да – насыщение принесло радость моей плоти, но в душе вздымалось сожаление, ведь я не сумела подавить в себе потребность в еде, когда силы решиться на это еще оставались. Грех неотступно следовал за мной с самого начала моего странствия.

III

Ночь даровала мне право на сон. Укрытием для грез моих оказались корни одинокой ели, слегка возвышающиеся над твердью. Прижавшись спиной к одной из древесных основ, поросшей мхом, я мгновенно забылась, истощенная дневным шествием. Хвойная крона многолетнего исполина и капюшон, сокрывающий мою голову от ветров и дождя, были лучшими защитниками кратковременной дремы. Быть может, дикие звери и рыскали близ моего пристанища, но Господь, да славится Имя его, избавил меня от губительной встречи с ними.

Вскоре холодный свет озарил мой взор – столь яркий, что закрытые веки не могли уберечь от его пронзительного жжения. Приподнявшись со своего природного ложа, я узрела перед собой пылающий шар, наподобие дневного светила, но сиянием походящий на луну. Я ощутила страстное, непреодолимое желание последовать за сим огнем, едва он начал удаляться от меня. Прошло мгновение, и вот я уже стремилась за сей сферой, паря над землей, преодолевая в одночасье леса, реки и горные гряды. А далее мир будто бы раскололся на мириады кусков, и я очутилась в полном пространстве, где то здесь, то там в недвижности застыло собрание самых разнообразных предметов. Подвешенные за незримые нити в пустоте покоились церковная утварь, домашний скarb, военное снаряжение и сотни тысяч иных вещей. Но я прорывалась дальше, сквозь них, пока еще могла уследить за своим властным проводником.

Внезапно все исчезло – сущее озарилось подлинным солнечным светом, осветив твердь, сотканную из облаков. Минуло еще мгновение, и из недр сего покрыва возникла церковь необъятных форм, вокруг двенадцати вершин которой беспорядочно летали существа, обращающиеся то в золотых птиц, то в ангелов с копьями в руках. Лестница, состоящая из тридцати трех ступеней, вела внутрь дома Божьего, и я знала, что должна быть внутри него, дабы познать суть вещей. Но это было невозможно, ведь стоило мне шагнуть с первой ступени на вторую, как количество ступеней впереди увеличилось вдвое. И так было каждый раз, когда я делала новый шаг вверх. Духовное бессилие поразило меня тогда. Я опустила в изнеможении наземь и погрузилась в стенания.

Стоило упасть моей первой слезе, как раздался оглушительный грохот, и небеса треснули, подобно яичной скорлупе. Железными кусками они падали на твердь, что ныне стала уже чистой медью, разя золотое воинство Божие и все сущее. Не устоял и Храм Господень, ибо провалился он в самую преисподнюю с магменными реками, где его мрамор обратился в обсидиан. С падением Святыни сгинула и я, пав в огненное озеро, где моим костям было суждено гореть и не сгорать вечно, а душе ощущать бесконечную боль от пламени неумолимого. И сие было справедливо, ибо нет прощенья тем, кто не сумел превозмочь богоотступническое уныние. Ибо уныние есть там, где угасает вера в Бога, надежда на Него, любовь к Нему.

Апокалипсис моего бытия и всего мира оказался не чем иным, как сном, что по пробуждению лишив меня всякой стойкости и воли. Шаг за шагом, подобно живому мертвецу, теперь уже бессвязно бормоча молитвы, я продолжала свое странствие в неизвестность. Пробиравший меня озноб и тяжесть моего жалкого одеяния, потемневшего от дождевой влаги, как упорные и верные поводыры все быстрее и стремительнее влекли меня к теперь уже подлинной кончине от болезни и слабости.

IV

Отрешившись от внешнего, я бездумно прошагала в ведомом только Господу направлении почти весь последующий день. Очнуться от бессознательности мне посчастливилось лишь тогда, когда впереди замаячили силуэты покосившихся лачуг, наполовину вросших в землю. Впрочем, едва заметный дым, через силу тянувшийся из отверстий, проделанных в крышах, отнюдь не был счастливым предзнаменованием: те, кому принадлежал сей незамысловатый кров, вряд ли жаловали незнакомцев, пусть некоторые из них и являлись к ним без злого умысла.

Без всяких надежд и ожиданий я приблизилась к одному из жилищ. Его глиняные стены потемнели от старости, от соломы, которой была укрыта крыша, исходил мерзкий гнилостный запах. Но это не пугало меня, ведь в моем случае даже худой кров становился ценнейшим даром, ибо под ним я могла найти столь необходимое мне тепло и отдых.

Я постучала по шершавой поверхности невзрачной дощатой двери. Во внутренностях жилища послышался шорох, и спустя мгновение на пороге показалась старая женщина в том, что некогда называлось платьем, а ныне более походило на лохмотья. Казалось, что ее потускневшее и морщинистое лицо, запечатлевшее на себе тяготы крестьянского бытия, вот-вот готово было истлеть и рассыпаться в прах.

– Что тебе нужно, странница? – произнесла она недоверчиво. Однако, увидев мое монашеское одеяние, тотчас перекрестилась и молвила мягче:

– Ах, простите больную старую женщину, милосердная сестра. Во имя Господа, простите... Что привело вас сюда? Быть может я могу помочь вам?

– Я благодарю вас за доброе отношение к незнакомке, – кротно проговорила я, из последних сил сдерживая дрожь в телесных членах. – я прошу вас о месте для ночлега, ибо плоть моя ослабела от невзгод, вызванных чистосердечным шествием во имя Бога, и от страха, рожденного неведением об опасностях мира сего.

– Тогда пусть моя ветхая обитель будет пристанищем для вас на следующую ночь, – молвила женщина, нелепым жестом предлагая мне ступить в то место, где, быть может, прошла вся ее жизнь.

Я сделала шаг внутрь и еще более невыносимый запах сырости ударил мне в нос. Бедность убранства ужаснула даже меня, привыкшую к воздержанию и духовной аскезе. В этом убогом жилище я узрела лишь покосившийся стол с основанием, покрытым бледно-зеленой плесенью, наполовину вросший во влажную землю, подобие табурета, да соломенную подстилку близ тусклого очага, укрытую овечьей шкурой. Когда же я повернулась к хозяйке, все еще стоящей у порога, то увидела над ее головой деревянное распятие, обвитое стеблями некоего растения, название которого я не знала.

– Милосердная сестра, ложе у огня принадлежит вам. Жаль только, что бедной простолюдинке нечем более обрадовать вас, – произнесла эти слова, женщина подошла к очагу и извлекла из его глубин закопченный котел, в котором покоилось то, что вскоре должно было утолить мой голод.

– Я буду молиться о спасении души вашей! От чистого сердца буду просить я, чтобы Господь был милостив к вам, – тихо ответила я.

Вскоре хозяйка подала мне хлебную похлебку в деревянной миске и глиняный кувшин с водой. Я молча принялась за скудную трапезу, чувствуя, как голод оставляет меня и тепло разливается по моим членам. Женщина же, приютившая меня, взяла некую деревянную лохань и принялась мыть в ней состриженную с овец шерсть. Должно быть, это было ее единственным занятием изо дня в день.

По прошествии определенного времени раздался стук в дверь, нетерпеливый и громкий. Услышав его, я увидела, как изменилось лицо бедной женщины – его старческие изъязнения стали еще заметнее, ведь бессильная злоба очернила их.

С трудом поднявшись на ноги, едва не запутавшись в своем убогом одеянии, хозяйка подошла к двери и отворила ее. Через мгновение я увидела пожилого человека в льняной грязной рубахе и накидке из грубой шерсти. Все его лицо было в угрях, а небольшие глаза светились такой же безысходностью, как и у давшей мне кров женщины. В руках незнакомца была деревянная жердь с железным загнутым вовнутрь наконечником. Я была почти уверена, что пришедший является пастухом. Скотским запахом веяло от него... Мне оставалось лишь укрыть лицо капюшоном и продолжить трапезу, дабы мое отвращение не стало заметно.

– Анна, я голоден! Дай мне поесть! – просипел крестьянин.

– Иштван, сегодня у меня для тебя нет ничего! У нас знатная гостья. Нам придется остаться голодными ради нее, – холодно возразила женщина.

– Как ты смеешь впускать постояльцев в дом мой, проклятая карга?! Тебе мало нашей бедности, ты хочешь совсем нас со свету сжить, несчастная?! – вскричал в гневе пастух, отчего его лицо стало еще безобразнее.

– Богохульник! – осадила его хозяйка. – В твоём доме сестра Господа нашего! Гореть тебе в аду за ту злобу, что ты донес до ушей ее!

Крестьянин посмотрел в мою сторону и, убедившись в том, что жена говорит правду, подошел к очагу. Опустившись близ огня на колени, выставив вперед ладони, дабы согреть их, он с сожалением проговорил:

– Завтра вновь наступит день, когда к нам явится сборщик королевских податей, Анна, но едва ли я смогу что-то дать ему, ведь от бывшего поголовья нашего стада не осталось почти ничего. Сегодня мы лишились еще двух овец. Волки стали нападать на стада даже при свете дня, и никто не может ничего с этим поделать... Что же, такова наша расплата за грехи!

– На все воля Божья! Ложись спать и своими рассуждениями не накликай на нас больших бед, – вскричала хозяйка, а после принялась за свое прежнее дело.

Вслушиваясь в диалог двух несчастных людей, страдающих от бедности и прочих невзгод, я искренне удивлялась тому, что они совершенно не замечали меня. Ничто не меняло размеренного уклада жизни обделенных фортуной – ни появление постояльца, ни смена времен года. Бренность навечно погребла их под своим бременем.

Эти созерцательные размышления привели меня к долгожданному и спокойному сну. Положив голову на стол, я отдалась объятиям грез. На сей раз мой отдых был лишен сновидений, но пробуждение было столь же тревожным.

V

Протяжный волчий вой прервал мою дрему. Очнувшись и увидев перед собой багровое мерцание тлеющих поленьев, я попыталась изгнать из сознания сей зловещий звук. Однако он становился все навязчивее. Проклятые звери рыскали прямо под окнами дома, яростно рыча от жажды крови. Затем я услышала отчаянные человеческие крики полные ужаса. Они становились все громче и истощнее, и вдруг прекратились, сменившись лязгом зубов. Смерть забрала очередную душу, воплотившись в звере, чей облик ввергал в страх, а глас заставлял кровь леденеть.

Человеческая погибель побудила многих деревенских жителей воспрянуть ото сна и выйти из своих убогих жилищ. Уже через миг сквозь узкий оконный проем я увидела множество стенающих и размахивающих руками фигур с пламенеющими жердями в руках... И жерди эти освещали мертвое тело юноши, истекающее кровью, но не лишенное красоты. Собравшиеся близ убитого громко переговаривались между собой о произошедшем, но казалось, что их больше занимало сохранение собственных жизней, нежели скорейшее погребение растерзанного. И это не удивляло меня. Я уже понимала, что действительный уклад и лик бренности намного ужаснее, чем в рассказах сестер Господних, вскормивших меня.

Тщетные споры и причитания разгоряченного люда утихли лишь тогда, когда несколько мужей взяли на руки растерзанную плоть и унесли ее прочь. Ночная тьма тут же поспешила вернуть свои позиции и вновь овладела сущим. Властвование ее должно было продолжиться до самой зари... Лишь один факел, затухающий на глазах, брошенный в бессилии кем-то на землю, напоминал о произошедшем несчастье. Он был своеобразным символом души истерзанного, которая вероятно еще долго не могла поверить, что ее жизнь во плоти так нелепо завершилась, пав под дланью ненавистной несправедливости.

Решив вновь отдаться сну, я вдруг поняла, что рядом со мной нет хозяев обители, в которой я получила ночлег. Не желая искать этому вразумительного объяснения, я направилась к очагу и, разворошив в нем угли, возродила пламя. Не имея сил противостоять обострившемуся чувству страха перед неизвестным, я так и оставалась у едва горящего огня до самого рассвета, без конца шепча молитву, боясь вновь сомкнуть глаза, не осмеливаясь позволить себе блаженный отдых...

Мое одиночество не было нарушено никем даже тогда, когда первые лучи тусклого дневного света ударили мне в спину сквозь щели в дощатых стенах лачуги. Не желая более оставаться в этом убогом жилище, в этом проклятом селении, где люди исчезают с той же легкостью, что и славные воспоминания минувших дней, я поспешила покинуть злосчастное место.

Лишь только ступив за дверь, я вновь ужаснулась небесам. Вопреки моим потаенным надеждам одеяние небосвода сохраняло свою бесцветность, став еще более навязчивым, довлеющим, порождая в душе моей богоборческую печаль. Облик сферы, обремененной тонами невыносимого уныния, вызывал у меня чуть ли не ручьи слез, стоило лишь устремить взор к далеким звездам, таинственное мерцание которых невозможно к созерцанию и оттого столь страстно желаемо. Землю же укрывала дымка, оттенок которой мало отличался от оттенка небесного. В ее белесом нутре возвышались потемневшие стены ветхих домов и уродливые силуэты скрученных в узел деревьев, по неизвестной мне причине лишившиеся своей листвы.

Сущее выплело снова. Каждый отзвук моей поступи утопал во всеохватывающем небытии. В конце концов, я перестала ощущать даже собственное дыхание, готовясь поверить в то, что его и не было вовсе. Став невольной гостьей обители Небытия, я не различала более жизнь и смерть.

Вдруг зов сотряс застывшее пространство, и миг спустя из вязкого утреннего тумана возник незнакомец, один из местных жителей. Лицо явившегося было покрыто зарубцевавши-

мися шрамами, а голова почти лишена волос. «Что значат все эти уродства?» – подумала я, вспоминая лик пастуха, испещренное угрями. В этот раз свое отвращение мне удалось скрыть лишь благодаря вездесущей дымке, пронзающей собою бренность.

– Милосердная сестра, прошу вас, помогите! Ради страданий Христовых, помогите! – вскричал крестьянин, падая предо мною на колени в грязную лужу, отчего потоки нечистот пали и на меня.

– Что случилось, милый человек? – едва сдерживая неприязнь, молвила я.

– Благословите мертвецов наших, растерзанных волками, милосердная сестра. Даруйте их душам покой. Избавьте нас от их присутствия, ибо они проклинают наше бессилие, – пролепетал земледелец.

– Разве у вас нет священника? – изумленно спросила я, ужаснувшись гибельности места сего.

– Он мертв, убит зверьем, как и все мы вскоре будем. Прошу вас, пойдете за мной, – крестьянин схватил меня за руку и, поднявшись на ноги, повлек за собой.

Возжелав поначалу воспротивиться земледельцу, я усилием воли отогнала сии надменные мысли. Самоотверженное служение Господу и помощь страждущим несмотря ни на что – по-прежнему оставалось моим долгом и единственным предназначением.

VI

Обратив помыслы внутрь себя, я не уследила, как мы покинули пределы поселения и очутились на пустыре меж множества холмов. Туман продолжал здесь свое опустошающее пиршество. Его воздействие на мою душу усилилось и уподобилось весу десяти тысяч возов, груженных золотом, что испокон веков пленяли умы властителей царств этого мира.

Мы шли теперь по разбитой брусчатке древней дороги. Ее изломанная впадинами поверхность страдала от гнета времен и бесконечного сражения с диким сорняком, но ничто из этого не могло уничтожить плод мастерства римских инженеров. Сей путь, созданный великим народом-завоевателем, был обречен на существование до конца времен, и осмысление сего наблюдения не могло не изумлять меня.

Чем дальше мы шли, тем сильнее была хватка и быстрее шаг моего поводыря. Мне было невероятно трудно поспеть за ним, а после моей просьбы остановиться грубая ладонь крестьянина обвила мое запястье еще сильнее. Лишь только когда мы оказались на расстоянии не более тридцати шагов от некой церкви – должно быть единственной твердыни Христовой сих мест, спутник отпустил мою руку. Там, где перста его касались моей кожи, остались кровавые царапины. «Странно, – подумала я тогда. – Почему я не чувствую боли? Почему раны мои не приносят страданий?»

«Милосердная сестра! Дом Господа пред вами. Войдите же в чертоги его и освободите души стенающих от губительного пребывания в разлагающейся плоти. Благословите их своими светлыми речами на расставание с бытием!» – проговорил земледелец.

Я возжелала ответить ему, но, увидев лицо крестьянина, изъяны которого в тот миг показались мне еще более мерзостными, лишь молча кивнула в знак согласия.

«Мы благодарим вас, Сестра!» – услышала я в ответ, уже повернувшись к нему спиной. Я направилась в сторону Святилища.

Святилище Христово! Его обветшавшая и крошащаяся от влаги конструкция напоминала своей строгостью крепость – из тех, что господствуют над всеми холмами вокруг и всеми окрестностями. Аркады с узкими окнами опоясывали плоские стены сооружения и устремлялись вверх к единственной колокольне – своеобразной дозорной башне, увенчанной массивным крестом. То здесь, то там рукою талантливого зодчего на фасадах были высечены ниши. В их недрах нашли пристанище изваяния животных и людей, мучеников и святых, ангелов и архангелов.

Три скульптуры приковывали к себе взгляд сильнее прочих. Первая – Богородица с младенцем. С левой стороны под ней извивался дракон, пожирающий льва, а справа был изображен силуэт крылатой сирены, потворствующей искушениям. Вторая – некий муж, восседающий на троне желаний, у подножия которого в смертельной битве сражались крокодил с гидрой, стремясь пожрать друг друга. Третья – Христос в Величии и Славе своей, по обе стороны от которого стройными рядами расположилось по шесть апостолов. Я долго не могла отвести от них взгляд.

И вместе с тем сия Цитадель Господа была в запустении, ибо весь вид ее говорил о том, что паства давно позабыла путь сюда. Мне казалось, что я слышу плач храмовых стен, изуродованных человеческим забвением, безразличием и тысячью иных проявлений греха. Я искренне желала излечить их, но от сей мысли мне становилось еще более дурно, ведь я понимала, что не в моих силах воплотить это в явь. Моя душа казалась мне неполноценной в те минуты – а что могло быть хуже этого?

Но полно сотрясаться в стенаниях, ибо не за этим я оказалась здесь! Вот дверь в церковь уже открыта мною. Осталось лишь зайти внутрь – в крошечную тьму, дабы даровать покой убиенным и растерзанным.

VII

Пришло время чудес. Стоило мне только переступить порог храма, как алтарное пространство озарилось столпом белого пламени. Сквозь худую церковную крышу светоносные потоки устремлялись прямо на жертвенный камень, на поверхности которого покоился мертвец, укрытый шелковой тканью. Как боязно мне стало тогда приблизиться к нему еще хотя бы на один шаг, как тяжело было не поддаться страху, не бежать без оглядки из сей некогда священной, а теперь попорченной сыростью и тленом Обители! Но и в этот раз моя вера пробудила во мне стойкость, ибо Господь хотел, чтобы я была здесь и даровала сему месту очищение.

Медленной и осторожной поступью я приблизилась к алтарю. Взглянув на массивное распятие, висевшее чуть в отдалении, я трижды перекрестилась. Затем я обошла церковное сердце, облаченное в мрамор, и остановилась так, чтобы быть спиной к кресту, а ликом ко входу в Святилище. Именно тогда надломленное смертью убранство святилища открылось моему взору полностью, и вид его поразил меня до глубины души.

Там, где было положено стоять скамьям для паствы, не было ничего, кроме небрежно уложенных на пол усопших, завернутых в серый перепачканный кровью саван. Некоторые из них уже были тронуты дланью разложения и источали невыносимый смрад; другие все еще напоминали живых, ибо их застывшие лица еще выражали ужас трагически оборвавшейся жизни. Имелись и те немногие, кто будто бы не умер вовсе: тела сих несчастных чей-то глумливый и богомерзкий ум прислонил к церковным колоннам, обратив застывшим взором к алтарю, дабы они, усыпанные цветными осколками разбитых ветром витражей, томились в ожидании службы без начала и без конца.

Наступило время молитвы о невинноубиенных, но прежде случилось совсем иное. Перста мои словно платиновые змеи, творящие гнезда в каменистом чреве Голгофы, приоткрыли поверхность материи, сокрывшей тело на алтаре...

Сомнений не было: предо мною находился тот, чью жизнь минувшей ночью на моих глазах оборвали ненасытные волки – проклятые твари, зубы которых острее причудливо изогнутого кинжала, воткнутого в спину проклятым предателем; вой которых невыносимее вражеского горна, возвещающего о скорой победе неприятеля...

Да – вновь я узрела того юношу, тотчас осознав, что хватило и мгновения, чтобы красота его окончательно пленила меня и грех пустил в моей душе свои извилистые корни. Власа оттенка ячменного поля, обрамляющие его белоснежный лик, в сочетании с лазурью обездвиженных глаз и пурпуром сомкнутых губ пробуждали во мне те ощущения, которые я никогда не испытывала и теперь боялась признать. Очарованная порочно разыгравшимся воображением, тяжело дыша, я застыла склоненной над покойным подобно статуе, стремясь то ли превозмочь, то ли принять свое плотское начало.

И вот природная жажда созерцания обнаженной плоти возобладала надо мной, побуждая отречься от того, что свято, неприступно и неоспоримо. Влекомая и плененная ею, я резким движением руки сорвала с тела драгоценную ткань и отбросила ее прочь, дабы впервые увидеть его первозданную мужскую наготу, тем самым поддаваясь беснующейся плоти моей, истекающей влагой.

Кто знает, что произошло бы дальше и куда бы завела меня похоть, если бы не месиво, открывшееся моему взору – месиво, которое представляли собой грудь и живот юноши – в омерзительных ранах, с вывороченными наружу внутренностями. Меж ног убиенного покоилась посеребренная емкость, преисполненная кровавой жидкостью. В ней нашлось несколько игл, наподобие тех, что используют портные, а также моток размокших ниток. Судя по тому, что одна из них была воткнута в плоть покойного, некто до меня уже пытался сшить два лос-

кута его кожи, дабы перед погребением придать израненной плоти хотя бы видимость целости. Сей некто будто бы желал, чтобы я довела начатое до конца...

Воистину – сия панорама была моим спасением от греха, ибо телесная истома в одиночестве прекратилась, уступив место отвращению, отчего мое естество преисполнилось скверной и обратилось к постыдной рвоте. И мне следовало славить Господа за сей исход, ибо эти страдания были самым малым из того, что я могла бы претерпеть за свои пагубные помыслы.

VIII

Немалое количество времени я потратила на то, чтобы привести плоть растерзанного юноши в благообразный вид, освоив вместе и портняжное дело, и искусство врачевания. Но это было только начало, ведь требовалось придать достойный, насколько это было возможно, образ и иным усопшим, коих под сими сводами было около пяти десятков. Более всего я нуждалась в чистой воде, дабы омыть хотя бы лица – у кого они все еще были целы. К вящей радости своей я решила эту задачу, отыскав в одном из дальних углов святилища уцелевший комод, где обнаружилась церковная посуда. Мне не оставалось ничего другого, кроме как расставить ее по всему храму в тех местах, где ее нутро могли наполнить редкие капли дождевой воды, попадающей в церковь сквозь уже упомянутую худую крышу. Как только одна из площадок наполнялась до краев драгоценной субстанцией, я стремилась как можно скорее обработать хотя бы одно тело и вернуть площадку на место, ибо дождь снаружи мог закончиться в любой момент, а потребность в воде была велика.

И все-таки, даже имея на то великое желание, я не могла подготовить к погребению всех, кто находился в церкви, равно как и обеспечить само погребение. Поэтому, вернувшись к алтарю и прикоснувшись к своему нательному кресту, поверхность которого была холодна, словно северный лед, спящий близ прибрежных скал, где свили гнезда морские птицы, я с великим опозданием приступила к чтению заупокойной молитвы.

Волнение довлекло над моей душой и слогом, отчего речь моя множество раз обрывалась. Когда же происходила эта постыдная запинка, божественный свет, все еще питающий окружающее пространство, мерк, а во тьме, вновь приходящей ему на смену, будто бы возникали фигуры неких существ, похожих на человеческие. Впрочем, это было не более чем навязчивое наваждение.

«Спите спокойно, добрые люди! Пусть божественная благодать, что удивительна и непостижима по природе своей, коснется души каждого из вас. Примите же наконец свою телесную смерть во спокойствии и мире. Аминь!» – таковыми были мои последние слова, увенчавшие пение погребального напутствия душам убиенных, чьи тела уже давно лежали бездыханными.

Завершение церемонии ознаменовалось излитием нескольких капель мира, предусмотрительно подготовленного мною, в уста каждого из покойных, а также трижды пропетым антифоном в сочетании с великим славословием. В пении я была и священнослужителем, и хором, вынужденно возлагая на себя в единственном лице те функции, которые они выполняют в церковной традиции.

С окончанием церемонии божественный свет вокруг алтаря предсказуемо померк, а упокоенная плоть перестала источать богомерзкий запах. Что как ни это свидетельствовало о том, что эти души были теперь приняты Богом, а я соприкоснулась с еще одним чудом его?

Едва оказавшись за церковными дверями, я впервые за долгое время ощутила радость, ибо содеянное мною было хорошо. Да и могла ли я чувствовать себя иначе, если непроглядная туманная дымка и дождь обратились в прошлое, уступив место золотистому рассвету и началу нового дня? Могла ли я не пребывать в воодушевлении, если всецело серый небосвод вдруг исцелился от недуга вселенской меланхолии, явив свой истинный и приятный сердцу сапфировый лик?..

Признаться, я даже не успела насладиться этой отрадой, ибо предо мною вскоре появился ангел в белоснежных развевающихся одеждах. Приблизившись ко мне, он молча даровал мне благословение, дотронувшись до моего чела перстами. И прежде, чем я смогла что-либо сказать ему, он уже исчез, забрав с собою лазурный цвет небес и укрыв их тенью столького знакомого уныния.

Зная, что истолковать сие явление мне не под силу, я искренне вознесла еще одну благодарственную молитву Господу, а после поспешила вернуться в знакомое мне поселение, дабы возвестить людям об исполнении их просьбы – о том, что души их близких получили последние почести в этом мире и что теперь их сон может быть спокоен.

Вскоре стук моих деревянных башмаков по каменной дороге вновь стал единственным звуком, связывающим меня с бренным миром. Чем дальше я удалялась от церкви, тем сильнее меня обступал проклятый туман, вновь родившийся из небытия.

IX

Безликие фасады домов Богом забытого поселения встретили меня прежним безразличием. Хотя нет – что-то в них все же изменилось. Теперь они загадочным образом стали оттенка гранита или подобного ему камня. Если бы мой разум не был переполнен сонмом впечатлений, я бы непременно задалась вопросом о причине сей метаморфозы, но мои раздумья были прерваны странным звуком, похожим на треск погремушки. Сперва я не заметила ничего необычного. Однако стоило мне немного подождать, как из-за угла одной из лачуг показался странного вида человек. Он был облачен в бесцветную рубаху, обтягивающие рейтузы цвета спелого винограда и деревянную, с загнутыми носами, обувь. На голове незнакомца покоился пурпурный колпак неимоверной длины с голубоватым бубенчиком на конце. Чудак держал в руках трещотку, неуклюже взмахивая ею время от времени, дабы заставить ее звучать.

Лицо причудливого субъекта было совершенно лишено волос и сильно напоминало младенческое. Имелось в нем и что-то еще – неестественное, несуразное и нелепое: его черты как бы застыли, а взгляд ассиметрично расположенных глаз был совершенно равнодушен ко всему, что происходило вокруг. Возможно, в них отражалось только бездумье, вселенская глупость и тому подобные вещи. Все это вкупе с полным отсутствием бровей вызывало у смотрящего дрожь и оторопь.

Я укорила себя за то, что столь пристально разглядывала незнакомца. Он не замедлил тут же ответить на мое внимание и, продолжая размахивать трещоткой словно стальным клинком, начал стремительно приближаться ко мне. Когда между нами осталось не более пяти шагов, он резко остановился и, подняв руки к небу, произнес нараспев высоким, но мелодичным голосом:

– Посланица святой Девы, Спасительница убогого поселения, укротившая волчью ярость и совладавшая с мертвыми, наконец-то вернулась!

– Кто вы? – спросила я с удивлением.

В ответ чудак подскочил ко мне и, игриво коснувшись трещоткой моего плеча, продолжил:

– Усмиряющая волков ловка и отважна! Но качества эти – ничто по сравнению с небытием, над которым не властен даже сам Господь!

– Что за вздор ты несешь, прокаженный? – возроптала я, совершенно обескураженная его богохульными речами.

Безумец был уже за моей спиной. Его голос звучал у самого моего затылка:

– Услышь мой глас, Спасительница, и убедись в его правдивости. Даже Бог не спасет тебя от всепоглощающей бездны! Никто не спасет тебя от пучины, даже сам Г-о-с-п-о-д-ь Б-о-г! Клянусь своим пурпурным колпаком с бирюзовым бубенчиком! – умалишенный стал бешено вращать головой во все стороны, хохоча на все лады.

– Изыди, несчастный безумец! – возопила я, ощущая, что его слова глубоко неприятны моей душе.

Но богохульник и не думал останавливаться. Он продолжал размахивать погремушкой у самого моего лица. От ее треска я стремительно теряла возможность слышать. Я силилась поймать его руку, но это было бесполезно. Его на первый взгляд неуверенные и детские движения оказывались всегда быстрее моих, поэтому все попытки вырвать проклятый предмет из рук глупца терпели неудачу.

Несуразность сего действия поразила бы любого стороннего наблюдателя. Будучи главным действующим лицом, я не могла сделать ровным счетом ничего, пока мой мучитель не посчитал мои страдания достаточными и не убрал наконец погремушку в складки своей рубахи. Стоило моим ушам вновь обрести способность слышать, как вновь зазвучал пронзительный голос моего беспечного собеседника:

– Не поведала ли тебе настоятельница Вендула пред смертью самой, что жизнь твоя сохранена лишь ради небытия? Что самоцвет Гильома, тобой хранимый ныне, есть ключ к великой бездне, ведущий душу твою на убой?

– Скажи мне все, что знаешь! – с мольбой воскликнула я, ощущая, как смрадное дыхание идиота ударило мне в шею, а руки его, проникшие сквозь одеяние, грубо сжали мои обнаженные груди.

– Что знаю я? Что знает дурак? – резко прошептал развратник, лизнув мою щеку и обхватив мою грудь еще сильнее, отчего роба моя была окончательно порвана. – Ха, он не знает ничего! Только его глаза скажут спасительнице правду!

Я отшвырнула от себя руки ублюдка и, обернувшись, что было силы ударила его наотмашь по лицу. Вероятно, удар пришелся именно в глаз, ибо око извращенца побагровело, надулось, а спустя мгновение налилось кровью и с омерзительным звуком лопнуло.

– Ты потеряла свой шанс и останешься в неведении! – все так же громко воскликнул шут, будто бы совсем не чувствуя боли. Вместе с тем его изувеченный лик начал загадочным образом чернеть, а после задымился, словно на него упали сотни искр от огня. Минул краткий миг, и лицо бесстыдника запылало пламенем. Его кожа набухла отвратными волдырями и неумолимо плавилась, превращаясь вместе с костями в ничто. Очень скоро за лицом вспыхнуло и тело, в одночасье обратившись в прах. Когда же от него не осталось ничего, кроме груды обгоревшего мяса, я поняла, что во мне не было ни единой толики сожаления о том, что еще одна жизнь на этом свете оборвалась. И это поражало меня и поразило бы еще сильнее, если бы не бред самосожженца о моей участи, что продолжал звучать в моей голове снова и снова...

– Спасительница! Мы благодарим вас за содеянное! – знакомый голос возвратил меня в мир живых. Я посмотрела на говорящего и вновь увидела перед собой человека, который был моим проводником в разрушенную церковь.

– О, Боже! Вы испугали меня своим появлением... Однако, я действительно исполнила то, что обещала, – бегло молвила я, все еще пребывая в собственных мыслях.

– Мы воистину воодушевлены вашим поступком, а посему желаем отблагодарить вас. – произнесла эту фразу, земледелец поклонился, а затем добавил:

– Прошу вас, посетите наше Празднество, где соберутся все до единого жители спасенного вами поселения – все здравствующие жители!

– Здравствующие?! – отстранено молвила я.

– Здравствующие! О да, избавительница от несчастий, именно здравствующие и живые, – послышалось мне в ответ.

– Но почему тогда смерть до сих пор продолжает обрушиваться на жителей деревни? Разве упокоения мертвых было недостаточно, чтобы прекратить все эти ужасы? Почему тогда зло продолжает происходить здесь? – вопрос за вопросом сыпался из моих уст, но ответа на них не было, будто бы мой собеседник и не слышал их вовсе.

– Посмотрите на этого безумца, лежащего предо мною! – продолжила я. – Он умер на моих глазах, сгорев заживо, будто бы пораженный карой небесной! За что Господь избрал ему сей удел? – я указала перстом на обгоревший, еще дымящийся труп, что по-прежнему покоился у моих ног.

– Вам ли не знать, сестра, что Господь может забрать каждого из нас в любой час, угодный лишь ему! Все это не имеет никакого отношения к тем злодеяниям, которым был положен конец вашим появлением, – услышала я ответ, произнесенный слегка монотонным голосом. – Не корите себя, ибо никто не виноват в этой смерти. Ни вы, ни я, ни даже волки, убравшиеся, наконец, в свои зловонные норы! – добавил немного погодя крестьянин.

– Почему вы так уверены в этом?

– У меня есть предчувствие. Я в это верю и не смог бы объяснить вам этого, даже если бы хотел, – еще холоднее ответил земледелец, дав понять, что больше об этом он говорить не

желает. Зрачки его странным образом сузились, отчего кожа на неприятном лице сморщилась, напоминая сгнивший садовый плод.

– Быть может, вы правы! Я скажу лишь, что согласна принять приглашение на ваше празднество, – я поспешила завершить беседу, предчувствуя, что дальнейшие вопросы могут обернуться большой бедой.

– Благодарю вас, сестра. Это большая честь для нас. Пойдемте за мной, – в голосе земледельца наконец послышались теплые нотки, а взгляд его снова стал обыкновенным, присутствующим каждому из нас. С этими словами он вновь взял меня за руку знакомой мертвой хваткой. Едва переставшие кровоточить раны открылись вновь и, должно быть, в этом тоже был некий символ, так же неведомый мне.

X

Проводник вел меня хитроумным маршрутом меж кривых стен деревенских лачуг. Хотя все поселение насчитывало не более полутора десятков построек, хаотично разбросанных на практически одинаковом расстоянии друг от друга, наше шествие затянулось. Мой поводырь то и дело кружил вокруг одной и той же постройки несколько раз, чем глубоко изумлял и настораживал меня. Я страшилась спросить, в чем причина сих действий, ибо уже начала привыкать к странностям, что происходили со мной буквально на каждом шагу.

Замысловато петляя между построек, мы не встретили ни единой живой души, кроме одной старой женщины. Перед ней стоял огромный чугунный котел, в котором кипело варево, смутно напоминающее своим ароматом ячменное пиво. Она отдавалась своему делу столь самозабвенно, что наше появление не произвело на нее никакого впечатления.

Наконец мы прибыли к огромной кованой двери одного из строений. Из всех прочих оно выделялось своей основательностью и добротной каменной кладкой. Хотя крыша жилища была так же, как и у остальных домов, укрыта соломой, она выглядела значительно свежее, будто бы ее постелили только намеренно. Не оставалось сомнений в том, что за зданием тщательно следили, несмотря на разруху вокруг. Это сильно бросалось в глаза.

Внутреннее убранство помещения также показалось мне необычным. Весь дом состоял из одной длинной залы, в конце которой располагалась большая дубовая лестница. В ясный день здесь вероятно было достаточно дневного света, ибо в каждой из стен находилось по равному количеству весьма широких оконных проемов. Сейчас же рядом с каждым из них висело по свече на медном подсвечнике, отчего интерьер наполнялся теплом и мог согреть любого уставшего после долгой дороги путника.

Посреди залы стоял широкий стол, уставленный простой деревянной посудой. Множество людей сидело за ним, но их силуэты были пугающе неживыми. Похоже, мертвенность сущего настигла меня и здесь: сколь ни пыталась я, мне не удалось заметить у присутствующих ни единого движения, услышать от них ни единого слова, сказанного как друг другу, так и мне. Да и в целом мое появление пред ними не произвело никакого впечатления. Ни на кого.

Прошло некоторое время, прежде чем проводник подвел меня к столу и, указав на грубый табурет, предложил мне сесть. Я приняла его предложение, а далее в воздухе повисло затяжное молчание, ибо никто из находящихся рядом по-прежнему не замечал ни меня, ни чего бы то ни было вообще. Все это продолжалось так долго, что мне показалось, будто бы я очутилась вблизи берегов Стикса, ожидая паромщика, который проводил бы меня в обитель мертвых. Это единственная аналогия, которой я могла бы описать происходящее вокруг в тот момент.

– Да сохранит Бог душу этой девы – Спасительницы усопших! – проговорил вдруг ледяным тоном некий человек по правую руку от меня. Его длинные волосы были заплетены в косу и казались чернее смолы. Его подбородок венчала борода, также заплетенная в тончайшую витиеватую линию, напоминающую хлыст.

Немного помолчав, загадочный муж поднялся со своего места, дабы продолжить свою речь:

– Время начать торжество! Да начнется оно во имя нашей гостыи, Господа и душ умерших, и ныне спасенных!

Произнесенная фраза была словно сигналом. Остальные участники трапезы вмиг очнулись от сковавшего их оцепенения, и жизнь, присущая тварному, наконец потекла по их жилам.

– Да сохранит! Да начнется! Во имя Бога и Девы, спасшей души убиенных! – вторили они своему вождю, под невзрачным плащом которого в отсвете свечей блестела кольчуга прекрасной работы. То был момент, когда кружки, наполненные медовухой, были подняты сими странными персонами ввысь.

Теперь настал мой черед поддержать присутствующих в их отраде, но, потянувшись за напитком, я увидела перед собой лишь кубок из кости, внутри которого было вино.

– Почему? Почему вы считаете, что я могу испить крови Христовой, когда не ведаю, имею ли я на это право? – вопреки логике момента воскликнула я, будто ведомая чьей-то посторонней волей. Мой голос перекрыл тогда собой все громогласие вокруг.

– Потому как вы, милосердная сестра, есть Спасительница семей наших! – ответил мне некто из людей. – пейте кровь Господа без промедления из кубка, сотворенного из кости хищника, который более никогда не покажет здесь своей омерзительной морды.

– Смелее, будьте смелее! Вы заслужили это, и в сем вине – нашем даре вам – есть великая благодарность! – вслед за первой последовала новая реплика. Она множилась в голосе каждого из сотрапезников, которые очень скоро соединились в хор. Казалось, все жаждали признать мой триумф. Как бы мне хотелось верить в искренность их намерений.

– О да, великая сестра Господня! – продолжали без остановки вещать окружающие. – Не отказывай себе ни в чем! Тебе ныне позволено многое, ибо в этом и состоит наша дань тебе.

После этих слов, мне привиделось, что воск свечей стал темнее копоты, а огни их приобрели багровый оттенок. Ужас стремительно настигал меня, сковывая члены, побуждая винный кубок пасть на каменный пол, разбившись на мириады крохотных частиц.

– Не тревожьтесь, милейшая Сестра. Крови Господней еще много в сем доме. Множество кубков еще можно наполнить ею без опасения. Вы успеете насытиться ею! – невозмутимо вещали пирующие.

Затем их лики резко помутнели, расплылись, а после превратились в отвратительные звериные рыла. Вскоре вокруг были лишь козлиные и бараньи головы, увенчанные разветвленными рогами, походившими на корни вековых деревьев, а также чудовищные морды таких тварей, которые не могли привидеться и в кошмарном сне.

Я внимала мерзкому бляню и скотскому хрипу целую вечность. К великому сожалению я открыла в себе способность понимать сей бесовский язык, на все лады требовавший от меня совершить грех. Но и в этот раз я нашла в себе силы дать отпор, творя пред очами души моей образ Града Небесного. Одну за одной я возносила мольбы Господу, дабы святые ангелы, в чьих умах хранится знание о Благодати, имя которой Бог, ниспослали мне силы на противостояние ордам Светоносца. Во мне все еще оставались силы не поддаться пороку.

Дьявольская вакханалия в конце концов сменилась крошечной тьмой. И я была искренне рада ей, ибо в минуты те казалось, что благостнее будет появление самой Смерти, призванной во Спасение крылатыми Серафимами, чем бытие в окружение исчадий Люциферова царства. Сия крошечная тьма даровала мне забвение и беспмятство.

XI

– Сестра, милосердная Сестра, что с вами? – я почувствовала, как на мое чело возложили тряпицу, пропитанную влагой.

С великим трудом я открыла глаза. Сразу же к моим ушам подступила звенящая рябь тишины, придавшая пробуждению боль, от которой возможно было избавиться лишь только последующим забвением. Однако, я отыскала в себе силы ответить:

– О, Господь, что произошло со мной? Где пребываю я? И... Кто вы?

Послышался вздох, подобный тому, который срывается с уст человека, почувствовавшего моральное или же телесное облегчение. Затем прозвучал ответ:

– Вы лишились чувств за торжественной трапезой нашей. Вы пали в глубочайший обморок, – голос был на удивление знакомым. – Я – Анна. Та раба Христова, что первой дала вам ночлег в поселении, когда вы соизволили посетить его.

На миг речь прекратилась, словно говорящая почувствовала смятение, а после продолжилась следующим вопросом:

– Вы... Вы помните меня и то, что вы сотворили для всех нас?

Моя память, к великому счастью, совершенно не пострадала. Боль изъедала мое сознание, как вода изъедает неподатливый камень, но сохранность моей мыслей разрушить она не могла.

– Да, добрая женщина, – мягко ответила я, попытавшись улыбнуться, хотя не ведала, как эта попытка отразилась на моем лице. – Я помню наше первое свидание и благодарю Вас за помощь. Жаль только, что бытием своим я доставляю вам беспокойство, отрывая от насущных дел в мире сем, сотворенным Отцом нашим.

– Не тревожьтесь обо мне, милосердная сестра! – в благом ужасе воскликнула Анна. – Для всех нас великая честь даровать вам спокойствие и излечение. С тем же самым вождением мы желаем вашего счастья, с каким вы желали безмятежного сна преуспевших предков наших, растерзанных волками!

– О, Анна, почему я вынуждена созерцать ненавистную тьму? Неужели Владыка Преисподней забрал у меня зрение, послав падших ангелов с черными крыльями, чтобы выкололи они серебряными иглами очи мои?

– Помилуйте, милейшая Сестра! Мрак, зримый вами, не более чем последствие слабости вашей. Не страшитесь его. Он исчезнет уже очень скоро, и вновь вы будете внимать лучам Божиим! Наш лекарь говорит, что прозреете вы к грядущей ночи, а может быть и раньше.

– Благодарю вас и его за дарование надежды.

– О, нет! Не нужно лишних слов! – воскликнула женщина. – Вы слишком слабы, чтобы вести речи! Познайте дрему, а позже, очнувшись от нее, узрите божий свет. – Таковыми были последние слова Анны, после которых забвение снова настигло меня.

Предсказание лекаря сбылось. Едва пробудившись вновь, я с радостью ощутила возвратившуюся способность видеть. Взору открылась панорама деревянного потолка, наклонные плоскости которого представляли крышу строения и поддерживались массивными перекладинами. Вероятно, где-то позади меня было вырезано небольшое окно, ибо на стену передо мной падал тусклый дневной свет, лучи которого освещали не столько все помещение, сколько распятие на противоположной стене.

Приподнявшись с ложа, я обнаружила рядом с собой табурет, на котором стояли глиняный кувшин с водой и блюдо с ячменными лепешками. Стремясь скорее унять все еще ощущаемую в теле слабость и тянущее чувство голода, я надломилась одну из них.

Скудная трапеза, увенчанная несколькими глотками простой воды, действительно помогла мне прийти в себя, однако последующие несколько часов я провела по-прежнему

лежа, без сна и в полной тишине. Никто не являлся ко мне. Лишь только когда в комнате окончательно стемнело, а на небосводе, должно быть, начали появляться первые признаки ночи, я услышала человеческую поступь. Ко мне вновь явилась Анна. Я невольно обратила внимание на ее некогда белый передник, забрызганный свежей кровью, а в некоторых местах буквально пропитанный ею. Это вызвало у меня стойкое отвращение.

– Как вы себя чувствуете, сестра? – спросила женщина, как только увидела меня.

– Много лучше. Благодарю вас за вашу заботу в который раз, – ответила я, тщетно пытаюсь не смотреть на нее, ибо ее лицо, казалось, тоже было забрызгано кровью.

– Мы очень рады. Мы удивлены вашей стойкости и воле, вашей борьбе против дьявольских искушений и нападений, – продолжала крестьянка.

– Искушений? – спросила я, отчего-то почувствовав в сердце тревогу. – Должно быть, я пала в глазах Господа и он проклял меня, наслав на разум мой несчастье!

– Не убивайтесь так, милосердная сестра! – воскликнула моя собеседница. – Подобных вам едва ли можно сыскать на всех землях Христа!

– Вероятно, – безразлично продолжила я. – Но меня мучают вопросы... Множество вопросов, ответы на которые я уже отчаялась отыскать. Неведение же все настойчивее и настойчивее одолевает меня с каждым мгновением. Оно, мне кажется, уводит меня в подобие пленительной рощи, где чудесные животные прекрасны, а деревья, окружающие их, величественны и ветхи. Но стоит лишь сделать шаг к сему оазису безмятежности, как он, подсказывает мне сердце, обратиться в пустоту, оставив меня в ней навсегда. Я буду навеки отлучена от Бога... Лишь благодаря вере я все еще способна здраво мыслить, но и она с каждым днем покидает меня, как песок, уходящий сквозь пальцы, – заключительные слова я произнесла так тихо, что, возможно, они не были услышаны.

– Боритесь со злополучными наваждениями, сестра. Вы сумеете одолеть все наваждения греха, ниспосланные вам вселенским злом мира сего. Вопросы же... быть может, есть способ помочь вам. Но сперва скажите, что вы хотели бы узнать? – стоило Анне сказать слова эти, как лик ее на мгновение просветлел, очистившись от грязи, скверны и всего дурного.

– Хотя бы часть того, неведение чего гложет меня словно ржавчина сталь! Кто бы мог помочь мне понять себя и свой путь к Спасению?

– Есть некий муж, сторонящийся всего живого. Его жилище расположено в окрестных лесах, близ непроходимого болота. Он нелюдим и страшен на вид, ведь из лица его растут серебряные цепи и кольца. Он знает почти что все, ибо обладает волшебством, которое способно на любое чудо! – после этих слов по телу Анны пробежала дрожь.

– Я ценю вашу помощь, добрая женщина. Однако почему беспокойство овладело вами? – спросила я.

– Видите ли, этот человек – богохульник каких мало. Он не верует в Господа, в силу его ангелов и не признает власть над людьми Святого Престола Римского. Мне совестно посылать вас, деву в вере, к этому отступнику. Я чувствую, что подталкиваю вас ко греху, отчего ваша борьба за правду станет еще сложнее!

– Полно! Это не так! – попыталась я успокоить собеседницу. – Вами движет добрая воля и искреннее желание помочь. Два сих обстоятельства освобождают вас от ответственности за последствия, какими бы они ни были, ибо ответственность за решение, следовать Вашему совету или нет – всецело лежит на мне.

– Да сохранит вас Бог! – перекрестившись, с тревогой в голосе проговорила Анна, а после добавила:

– Боюсь, я все же сказала то, чего не следовало говорить... Теперь мне лучше уйти и не тревожить вас. Приятной ночи.

Я вновь осталась в полном одиночестве и кромешной темноте. И не было ни свечи, ни иного источника света, чтобы рассеять их. А после в мою душу пришел страх, но к счастью

не в его силах было сковать меня в недвижимости. Напротив, он побудил меня действовать – сделать хоть что-то для того, чтобы убраться из сего странного места.

Неловко поднявшись с постели, встав на ноги впервые за день – а быть может и два, ибо я не ведала, сколько длилось мое забвение – я ощупью направилась к двери. После мне предстояло миновать коридор, где так же господствовала тьма, и спуститься по лестнице. Удача улыбалась мне: я практически бесшумно достигла первого этажа, не встретив ни единой живой души. Вскоре я поняла, что до сих пор находилась в том же сооружении, где проходило пиршество, закончившееся для меня забвением.

Итак, очутившись в знакомой, теперь уже пустой зале я с удивлением узрела тот же стол и посуду, полную свежеприготовленной ароматной пищи. Вряд ли я могла даже предположить, для каких мертвых душ подготовлено сие празднество, но что-то необратимое и тревожное заставляло меня двигаться лишь вперед, не позволяя сознанию тратить время на догадки.

Мне посчастливилось покинуть злосчастное жилище незамеченной. Уйдя от поселения на то расстояние, которое казалось мне безопасным, я решила дожидаться рассвета, спрятавшись меж двух полевых валунов. Теперь у меня было достаточно времени для размышления, и скоротечная радость освобождения от страшавших меня людей обратилась в смятение. Его основная причина крылась в том, что в действительности я до сих пор не имела ни малейшего понятия о том, куда мне надлежало идти. Посему не оставалось ничего другого, кроме как отправиться в ближайший лес и попытаться отыскать загадочного мудреца, который, по словам Анны, способен помочь мне.

«Ах, только бы слова сей крестьянки оказались правдой, а не плодом фантазии, вымыслом, мифом», – из раза в раз повторяла я про себя свое заветное на тот момент желание.

XII

Мне повезло, и сказанное сбылось. Танцующее пламя огня – словно волшебный светлячок, о котором так часто рассказывают в шумных тавернах разгоряченные пенным элем люди Британии – привиделось мне вскоре меж деревьев. Его источником оказался факел в руках некоего мужа, стремительно приближавшегося ко мне. «Кто бы мог это быть? – Разбойник, обезумевший от собственной греховности, еретик или просто безумец, решившийся покинуть людское сообщество?» – мыслила я.

Зная о великих опасностях, что таят в себе встречи с подобными незнакомцами, я, однако же, совершенно не стремилась от них спастись. В те минуты я всецело полагалась на Бога, который, представлялось мне, спас бы меня от печального исхода и на это раз.

И вот предо мною, наконец, оказался тот таинственный человек. Его члены были до невероятной степени худосочны, фигура согбенна и облачена в просторный балахон, цвет которого, помимо того, что он был темным, различить было невозможно. Власы его были седые и почти касались земли. Лик же его показался мне в отсвете огня не старым, но и не юным. Вероятно, виной этой неясности была его длинная борода, не менее протяженная, чем его власы. Как бы то ни было, достоверно различимы были лишь глаза загадочного человека – со странным перламутровым отсветом.

Муж сотворил движение рукой, в которой покоился факел, и лик его на мгновение осветился полностью. То, что я узрела в отблесках огня, изумило меня до глубины души, лишив дара речи.

Ноздри явившегося моей судьбой человека были проколоты кольцами, в которых держалась цепь, устремляющаяся как к бровям, так и к центру нижней губы, где так же были вдеты кольца. Я бросила взгляд на руки незнакомца, благо света было достаточно, чтобы узреть их. Перста странника были покрыты сталью, как будто заменяя ему кости, может быть, так оно и было. Сия особенность окончательно обескуражила меня, погрузив в ступор и вызвав вскоре истощный крик, эхо которого раскатилось по всему лесу.

– Кто посмел ступить в рошу сию без моего ведома? – спросил незнакомец голосом, похожим на скрип деревьев. Тон его был недобр и не располагал к промедлению.

– ...Я прошу прощения. Я упустила всякую возможность узнать, куда я в действительности направляюсь, – молвила я. – Неведение привело меня в сии владения, как я понимаю, имеющие хозяина.

– Неведение?! – медленно повторил человек, в его интонации слышались и восклицание и вопрос. – Неведение воплощается во множестве вещей, но чаще всего в тех, что обрывают нашу жизнь.

Немного помедлив, он добавил:

– Бесславно.

Факел в руке незнакомца, казалось, на мгновение запылал ярче, осветив всю его фигуру, демонизм и немыслимость которой поражали меня до глубины души.

– Но я верую в Бога, добрый человек! – без тени сожаления и опасения ответила я, дивясь своей откровенности. – Владыка оберегает верующих в него, следующих тем путем, что он указал, что указал его Сын, предательски распятый на кресте иудеями!

– Хм, каждый из нас верует в Бога... – проговорил человек несколько мягче, слегка покачивая головой, отчего цепи, обвивающие его лицо, мелодично зазвенели. – Однако, Творец дарует нам лишь рождение, он не имеет власти над нашей дальнейшей судьбой. Путь к спасению и гармонии мы ищем сами. Без его участия.

– Меня удивляют ваши речи. Я всегда была убеждена, что и Бог, и ангелы хранят нас на протяжении всего нашего брэнного существования, – ответила я, поражаясь той ереси, что была сказана моим собеседником.

– Нельзя надеяться на его благодать! – воскликнул старец, выслушав меня. – Дева, ты слепа и надменна! Ты устранишься от совершенствования своей души и отдаешь ее во власть Бога. Где же тогда твое собственное желание быть благочестивой, если ты полностью полагаешься на Бога? К чему тебе своя собственная жизнь?

– Позвольте... – начала было я, но была прервана резким, пронзающим слух шипением меркнувшего на глазах факела.

– Довольно слов, дева! – повелительно произнес незнакомец. – Отправимся в мое жилище, где ты получишь кров и пищу. Продолжим беседу там. Поверь мне, наша встреча произошла неслучайно, однако отнюдь не по милости Божьей. – старец повернулся ко мне спиной и медленно побрел прочь. В те мгновения я была свободна в своем выборе: я могла последовать за ним, а могла отказаться от предложения... Но кто еще кроме него помог бы мне узнать, что мне надлежит делать дальше?

Наш путь был короток, однако пролегал через небольшое болото. Старец, шествующий передо мной, вероятно, прекрасно знал эти места, ибо его стопы опирались исключительно на возвышающиеся над вязкой жидкостью островки суши. Я же несколько раз оказалась по пояс в зловонной жиже, что, впрочем, немного согрело меня, ибо, кажется, она еще не рассталась с теплотой, полученной от недавно освещавшего ее солнечного света. На другом же берегу трясины, чуть в отдалении, на расстоянии примерно сорока шагов расположился овраг, поверхность которого была устлана многолетними слоями сухой листвы, среди которых сторожевыми башнями вздымались витиеватые корни деревьев. Именно там располагалась хижина отшельника. Ее вид соответствовал форме окружности, а стены были сооружены из древесных прутьев и глины. Крыша пристанища состояла из лесного хвороста, усыпанного листвой. Помимо этого, в кровле, как оказалось, было сооружено отверстие, из которого надлежало исходить испарениям, рожденным очагом, располагающимся в недрах постройки...

Я буду честна, если замечу, что это место имело необыкновенную атмосферу: атмосферу безмятежности и необычного спокойствия. Мои опасения, связанные с моей собственной жизнью или же неверностью моих решений, сразу же обратились в прах – подобно тому, как у воинов исчезает страх, когда они видят высоко поднятое в небеса знамя своей почти побежденной армии и находят в себе новые силы к сопротивлению.

Едва переступив порог, я услышала шорох у правой стороны хижины и, устремив взор туда, узрела белоснежного волка, чья шерсть была глаже шелка и роскошнее самого искусного гобелена, что висят в тронных залах монархов, правивших городами давно павших империй. Животное молча смотрело на меня странным взглядом, в котором, однако, я заметила своеобразное дружелюбие. Затем оно медленно поднялось и неспешно прошествовало прочь.

Я не смогла отказать себе в удовольствии внимательно изучить убранство хижины. Оставалось только дивиться тому, как много настенных полок могло вмещать столь небольшое пространство. Чего только не было на них – от различной утвари, необходимой в хозяйстве, до загадочных разноцветных фигур и статуэток, которые христиане именуют не иначе как идолами. Казалось, что от сих изваяний – изображающих различных чудовищ, порой многоруких, а иногда и крылатых – исходила некая энергия, и я не ведала, как к ней относиться.

Пол пристанища был всецело земляной. Он так же был укрыт вездесущими сухими листьями, слои которых образовали такую плотность, что походили на причудливый ковер. Можно упомянуть и об очаге, возведенном посередине сооружения, границы которого были аккуратно выложены небольшими камнями. Сердце сего пространства источало живительный жар, а едва видимый дым, рождавшийся в его недрах, уходил прочь в отверстие кровли.

В противоположном от меня углу располагалось подобие стола. Его столешница, опирающаяся на небольшие искривленные ножки, едва достигала уровня колен. Поэтому рядом не было ни стула, ни лавки – у стола надлежало прилечь на невзрачное ложе, укрытое соломенной подстилкой, приняв позу подобную той, что принимали древние за трапезой... К слову на столе уже стояли два блюда с рыбной похлебкой, лежали ломти свежего хлеба и два красных яблока. Стоило лишь посмотреть на них, как чувство голода усилилось многократно. Сомнений не было – этот человек действительно ждал меня.

– Надеюсь, вас не огорчит моя скромная трапеза, – задумчиво проговорил хозяин хижины, прошествовав к одной из настенных полок с бронзовыми крючками, дабы повесить на него свое просторное одеяние.

– Я благодарю вас за кров и за пищу. Им более всего были посвящены мои помыслы до того, как я встретила вас. И вот удача!

– Тогда немедленно приступайте к трапезе, – собеседник подошел к одной из подстилок и опустился на нее. Только тогда я обратила внимание на то, что все его облачение было выделано из добротной черной кожи, а в его уши было вдето множество серег-колец. Как бы то ни было, я последовала совету старца и легла за стол напротив него.

– Видите, – с усмешкой проговорил он. – Вы готовы забыть о Боге, когда ощущаете голод. Вы не та, за кого себя выдаете. Вы не можете и не могли никогда служить Ему, точно так же как хромой, будь он воителем, никогда бы не смог воевать должным образом.

– Откуда вы знаете, что я служительница Господа? – с недоумением спросила я. Наверное, весь мой вид выражал недоверие.

– Вести разносятся быстро даже среди тех, кто давно уже распрощался с жизнью, приущенной обыкновенным людям, – усмехнулся старец. Кольца, вдетые в его лицо, зазвенели. – Птицы сообщили мне о том, что проклятому поселению явилось избавление... в виде вас.

– Птицы? Что вы имеете в виду? Кто вы? – еще более напряженно спросила я.

– Не бойтесь, юная дева. Вы получите ответы на некоторые свои вопросы, если будете терпеливы... Странно, что вы уже не обладаете этим качеством. Полагаю, что долгие годы, проведенные в монастырской обители, должны были научить вас этому. Или я не прав? – спокойно продолжил старец, будто бы отчасти говоря сам с собой, а после приступил к еде.

– Как вы можете говорить такое, совершенно не зная меня? – после некоторого молчания мной овладело запоздалое возмущение.

– Я знаю, потому и говорю... Смотрите! – старец поднял руку, обратив ладонь к отверстию в крыше. Спустя мгновение на нее опустилась маленькая желтая птичка, которая, пропев чудесную трель, несмотря на ночной час, сразу же покинула наше общество. – Синица принесит мне известия о том, что происходит в этом мире. Я понимаю ее язык, и у меня есть достаточно времени, чтобы осмыслить и довольно точно истолковать ее сообщения.

– Быть может, тогда вы сможете рассказать мне о тех загадочных событиях, что совсем недавно произошли со мной? Я не сомневаюсь, что вам есть что сказать об их природе. Вы наверняка знаете то, что могло бы быть важным для меня. Я была бы признательна вам за это. – В сложившейся ситуации во мне едва ли не впервые в жизни проснулась потребность извлечь из диалога с собеседником выгоду. Никогда ранее я не замечала за собой чего-либо подобного.

– Вы совершенно правы. Я могу поведать вам одновременно о многом и ни о чем, – многозначительно рек старец.

– Скажите хотя бы что-то и я буду вам благодарна... Но прежде позвольте спросить, как вы заставляете птиц приносить вам вести, и где я могла бы отыскать основания поверить в то, что сказанное вами не является ересью, ложью или просто языческим предрассудком?

– Не сумев отыскать смысл бытия и спокойствие среди людей, я обратил взор на обитель живой природы, которую они именуют дикой и непокорной. Отдав ей свои силы и помыслы, всю жизнь оберегая ее творения и чудеса, я в благодарность получил от нее понимание того,

для чего мне дано нынешнее существование. Вы могли бы назвать этот дар осознанием собственного призвания или счастьем, но, в конечном счете, это не важно. Поверь мне, юная дева, мироздание живо, его хитросплетения подобны великолепию золотых нитей в персидских коврах. Посему оно безгранично и необъятно, но благодаря этому из него можно черпать все, что необходимо человеку для ощущения единения с самим собой. Я черпаю из него абсолютно все. Это яства размышлений, которые порой принимают самые причудливые формы. И нет никакого смысла ждать страшного суда и молить о спасении, как это делаете вы, ибо спасение в настоящем – бесконечно. Спасением и осознанием счастья можно наслаждаться каждый миг, все это не требует никакого ожидания в том смысле, который был навязан вам вашей верой. Что же касается птиц и некоторых прочих животных... вам, должно быть, ясно, что они прислушиваются к моим пожеланиям, поскольку я прислушиваюсь к тому, что ощущает и желает сама Природа, я делаю все для того, чтобы воплотить в явь ее чаянья. В благодарность она дарует мне возможность слышать, видеть, обонять и осязать несколько больше того, что обычно принято считать возможным. Подобный уклад – и есть та великая нынешняя, посюсторонняя гармония, которую я чту и оберегаю к великому своему счастью вот уже долгое время.

– Занимательно... Но в сказанное вами так сложно уверовать тому, кто несет в своем сердце образ Спасителя, – едва слышно молвила я. – Я всегда полагала, что животные никогда не смогут сравниться с человеком. Разве не верно то, что каждое животное, сотворенное Богом, отражает лишь часть человеческой души? Так, например, волк воплощает ярость. Орел – зоркость. Филин – мудрость. А собака – верность. Разве не этим руководствовались и язычники испокон времен?

– Вы ровным счетом ничего не знаете о том, что было. Предания, несущие в себе сведения о былом, не всегда столь правдивы, как это представляется на первый взгляд, – проговорил в ответ отшельник, скрестив руки на груди. – Я не верую в легенды, как и не верую в то, во что веруете вы. Я верую в себя и в тот опыт, который переживаю ежечасно и ежемгновенно. И большую часть сего опыта дает мне природа, отвечая взаимностью на мое стремление к знанию. Она подобна справедливому господину, что дарует блага своему исполнительному и верному слуге за его самоотверженную службу.

– Стоит ли мне воспринимать ваши слова как отрицание того учения, что дано нам Отцами Церкви? – холодно спросила я. – В эти мгновения мне казалось, что незримую плоть моего сознания пронзает стальное раскаленное лезвие. – Если это так, то наша беседа тщетна. Я отказываюсь верить вам, и считаю, сказанное вами, ересью. Но пусть Бог будет судьей, а не я, его рабыня. Единственное, чего я опасюсь – принять ваш образ мыслей близко к сердцу, ибо тогда моя душа погрязнет в еще большем грехе, чем сейчас.

– Очень хорошо. Быть может я не прав в своих убеждениях, и все, что близко мне, лишь иллюзия. Быть может, за всем этим лишь ложь, самообман или попросту пустота... Но скажите мне, юная дева, разве не желали бы вы узнать об этой пустоте? – с улыбкой бросил старец, поднявшись со своего места, чтобы подойти к очагу и разворошить в нем угли. К этому моменту нашей беседы пламя совсем потухло, а в воздухе появились первые признаки ночного холода.

– Что я могу узнать о пустоте от вас, если не вижу смысла ни в едином вашем слове? – усомнилась я.

– Вы утверждаете, что мои убеждения бессмысленны, что они по сути основаны на небытии и источают его. Я же считаю, что именно вы неправы в своих убеждениях, о неверности которых в своем духовном упрямстве вы не можете даже помыслить! Не является ли тогда наш занятный диалог хвалебной одой той самой пустоте, в существовании которой убеждены мы оба, не имея возможности принять убеждения друг друга и сотворяя тем самым между нашими душами бездну непонимания?

– С этим я, пожалуй, соглашусь. – разум подсказывал мне, что все сказанное нами ранее есть прелюдия к основным речам, которые последуют далее.

Еще довольно долгое время мы продолжали разговор о весьма отвлеченных, но насущных темах бытия. В некое мгновение к нашему обществу вновь присоединился белоснежный волк, которого я видела ранее. Гордое животное подошло к огню и расположилось близ него, приняв позу египетского сфинкса. Хозяин тотчас прервал нашу беседу, дабы поставить перед животным точно такую же плошку с едой, как и те, из которых ели мы. И только после того, как животное закончило свою трапезу, старец вернулся к нашему импровизированному столу, чтобы продолжить общение.

– Никогда не следует ставить животное ниже себя. Оно чувствует человеческое отношение, и если отношение неподобающе или хотя бы безразлично, то животное начинает испытывать ненависть. А уж в звере любое чувство развито много сильнее, чем в нас. В этом есть их отличие от нас... – старец на мгновение замолчал.

– Простите, – спустя мгновение продолжил он. – Я отвлекся на те рассуждения, которые вам совсем неинтересны. Вернемся к вашей персоне. – На долю секунды вновь повисло молчание, но миг сей отпечатался в моем сознании невыносимым звоном, словно адский колокольчик, побеспокоенный лапой демона, дотронувшейся до его золотой поверхности. Я почти наверняка знала, что следующие слова собеседника будут очень важными... И не ошиблась...

– Вы обречены на скитания, на пожизненное странствие – обречены из-за того, что пытаетесь отыскать в нашем бытии сущее, которое на самом деле не может открыться вам полностью. Я вижу, что вы как бы укрыты некой вязкой пеленой потустороннего мира, которая не позволяет вам быть ни там, ни здесь. Почему это так, я не ведаю, но ответ на сей вопрос, вероятно, нужно искать в ваших прошлых жизнях или воплощениях, в которые вы, конечно, не веруете. Это ваше бремя. Вечное или нет – мне неизвестно. Я не завидую вам и не знаю, что могло бы помочь вам, – произнес старец. В его голосе слышалось сожаление.

– Вы уверены? – с трепетом спросила я. – Расскажите мне все, что знаете!

– Я разделяю вашу тревогу, – с сочувствием ответил старец. – Но то, что вам предстоит услышать, лишь еще больше разовьет сие дурное состояние души вашей... Но, если вы просите, я расскажу вам о том, как понимаю происходящее с вами... Итак, ваша душа (а она существует независимо от того, во что мы веруем) проклята некоторыми поступками, деяниями и обстоятельствам прошлого. Возможно, эти вещи случились по вашей вине, а может по вине других, а может потому, что последовательность небесных тел нашего Универсума приобрела ту форму, что привела вас к сему печальному уделу. Иными словами, мне неизвестны причины вашего проклятия, я знаю лишь, что в нем заключена причина ваших страданий и тех странностей, которые с вами происходят. Гипотетически, вами может быть найдено излечение, и стремление к этому – вполне естественная потребность вашей израненной души. Но это стремление слепо и стихийно. – После этих слов старец закрыл на некоторое время глаза. Беседа постепенно сходилась на нет.

– Что могло бы облегчить мои невзгоды, и где я могу отыскать то, что даровало бы мне достаточно знаний для борьбы за спасение? – я первой нарушила молчание, содрогаясь от внутреннего смятения, ибо не знала, как относиться к услышенному.

– На вашем месте я поискал бы себе подобных – тех, кто оказался в том же положении, что и вы. Это принесет определенную степень прозрения, – в голосе старца послышалась нотка азарта. – Я полагаю, вы далеко не единственная заблудшая душа в этом мире, ибо очень редко нечто проявляет себя в единственном числе. Я бы поискал других. Но как их найти, я не ведаю.

– Кто ведает, и как мне встретить того, кто мог бы направить меня?

– Просто делайте то, что предначертано вам. – старец сомкнул пальцы. – Вы же неспроста покинули свою монастырскую обитель, у вас есть цель. Так осуществите ее или, по крайней мере, приложите для этого все усилия!

В ответ на эти слова я извлекла из своего одеяния самоцвет Гильома. Его черная поверхность была однотонна и абсолютно безразлична к тусклому отсвету очага. Естество реликвии

представлялось столь обыкновенным, что взглянувший на нее вряд ли осознал бы ее ценность, почти наверняка спутав ее с простым камнем, коих в безмерных количествах можно отыскать за любым порогом.

– Мое нынешнее предназначение – отыскать этому самоцвету истинное место, где святость, сокрытая в нем, могла бы послужить славе Христа и единению сих беспокойных земель. Таков наказ дало мне монашеское сообщество, к которому я принадлежу. Но мой путь мглист, так же как и мой поиск, посему я движусь в направлении, которое мне до сих пор неизвестно, уповая лишь на милость господню, что, быть может, озарит меня своим светом и дарует прозрение, – мрачно проговорила я.

– И в этом мне нечем помочь вам, ибо сама цель вашего пути представляется мне бессмысленной. Она лишь усугубляет ваши метания, и единственное, что во всем этом хорошего – это то, что вы приняли ее и воспринимаете как долг. Столь самоотверженное предприятие просто обязано увенчаться успехом. Впрочем, я знаю того, кто мог бы дать вам ценные указания относительно способов, при помощи которых можно было бы исполнить сию задачу. – речь отшельника стала неторопливой, однако он внимательно следил за каждым моим движением и едва ли не за самыми моими мыслями, наслаждаясь тем, что моя дальнейшая судьба целиком зависит от его слов.

– Кто же это? Скажите же прямо сейчас! – не сумев совладать с собой, воскликнула я, заставив старца встрепенуться от неожиданности – словно птицу из лесной чащи, на пестрое оперение которой пали первые капли утреннего дождя, самые промозглые и неприятные. Цепи и кольца, пронзающие лик моего собеседника, громко зазвенели. Затем, черты его лица приняли обыкновенный вид, и он сказал:

– Когда я жил среди себе подобных (то было множество зим назад) я знал одного ученого мужа, княжеского советника, иудея, чей ум был великолепен и удивителен по степени своей проницательности. Он жил в славном городе Праги, близ местного книгохранилища – обители знания и света. Вероятно, он ведаёт о тех путях, которые могут разрешить ваши вопросы, юная дева, вернее ту их часть, значимость которой относительно общего вам надлежит определить уже самостоятельно.

Не могу сказать почему, но я перевела в те мгновения взгляд на очаг и увидела, как сквозь крышу прямо в его недра упал сухой древесный лист. Он медленно опускался к пламени, дабы познать свою смерть, и наконец обратился в пепел. Как не хотелось мне, чтобы так же истлела и моя жизнь, но не уверовать в сказанное отшельником я не могла. Альтернатив у меня не было.

– Вам определенно стоит поспешить к нему. Быть может, вы еще найдете его в добром здравии, – повторил свою мысль старец. – А может быть нет, ибо время неумолимо, а смерть все время где-то рядом. И все же, почему бы не попробовать сделать это и воспользоваться этой пространной возможностью?

– Благодарю вас. Но как мне добраться до великого города Праги? – с тревогой спросила я.

– Это самое малое, о чем вам стоит тревожиться! Через полторы тысячи шагов на север от моей хижины вы обнаружите, что лесная чаща ослабляет там свою хватку, и вы вновь окажетесь на открытом пространстве, продуваемом всеми ветрами. Если вы внимательно посмотрите вокруг себя, то увидите холм, поросший красным кустарником, на котором возведен некий обелиск из черного гранита. Доберитесь до этого монумента, который местные жители зовут перстом Светоносца, и вы увидите величественную панораму славного города Праги во всей красе. Но помните: вы должны искренне желать прибыть в этот город! Только тогда вы сможете покинуть мой дом и избрать верное направление. В противном случае сия чаща и ее обитатели погубят вас!

– Что вы имеете в виду? Есть что-то, что представляет для меня опасность?

– Нет. Никакие опасности, которых нельзя было бы избежать, неся в своем сердце веру и страсть исполнить желаемое, вам не грозят! – спокойно произнес мой собеседник. – Вы не из тех гостей, которые изредко приходили в мой дом, а после наших бесед понимали, что лучшее, что их может ждать – это найти упокоевание в той трясине, через которую мы с вами шли сюда. Вы не безнадежны и хотя бы представляете себе, что хотите. Я приветствую это, мне доставляет радость осознавать сей факт!

– Значит ли это, что мне сегодня посчастливилось избежать гибели и Господь спас меня от кончины? – я нехотя задала сей вопрос, чтобы поддержать уже начинавшую порядком утомлять меня беседу. Во мне не было ни тени страха – лишь острая усталость от постоянной необходимости испытывать болезненное удивление буквально от всего, что происходит вокруг.

– Вы можете воспринимать исход нашей встречи как пожелаете. Хотя я с презрением отношусь к вашему пониманию добродетели, именно ваша убежденность в ней, все еще стойкая, позволяет вам двигаться вперед. Посмотрим, надолго ли вас хватит. Ясно одно: вы убедили меня помочь вам, а это означает, что о том, чем обычно заканчиваются все встречи с гостями в моем пристанище, в этот раз придется забыть! – в голосе старца прозвучала нота усталого разочарования, а его глаза странным образом заблестели. В заключении он молвил:

– Есть ли что-то еще, о чем вы хотели бы спросить у меня?

– Пожалуй, – задумчиво молвила я. – Поведайте мне о проклятой деревне, в которой я была минувшей ночью. В чем ее загадка, и почему в ней произошло то, что произошло? – попросила я, тщетно пытаясь подавить в себе стеснение.

– Вы поражены цветением любопытства – сильнейшей из черт женского естества! Плоды его столь впечатляющи, что затмевают собой все то, что должен был привить вам монастырь! – с сарказмом заметил старец. – Мне почти нечего сказать вам по этому поводу. Я убежден только в том, что люди тех мест чрезмерно сильно погрязли в осколках собственных эмоций, как дичь, попавшая в силки к монаршему охотнику в зеленом бархатном кафтане. Отсюда и происходит то необычное в жизни несчастливцев, что вам удалось заметить. Это касается и чудес, порой самых невообразимых. Вы уверены, что эти странности и правда имели место, а не являлись производным вашего воображения?

– Вы утверждаете, что пережитое мною в их обществе может быть так же иллюзорно, как и многое другое?

– Вы можете истолковать мои слова и таким образом, – утвердительно покачал головой отшельник. – Не думайте об этом, иначе тревога никогда не оставит вас. За вашей спиной так же возможно нет ничего, кроме бездны, а вы ошибочно полагаете, что там стена жилища, а за ней деревья, погрязшие в злосчастной трясине... Не мучайте себя!

– Пусть будет так, мой господин. Вряд ли я смогу поверить в это... Я буду благодарна вам, если вы позволите мне провести здесь остаток ночи. С наступлением утра я сразу же отправлюсь в славный город Прагу.

– Да. Можете остаться. – на лице старца появилось подобие снисходительной улыбки. – Уверяю вас, юная дева, сон ваш будет крепок, ибо это место преисполнено теми веяниями, от которых любые иллюзии, и даже те, что рождают боль, застывают, даруя сознанию вожденные мгновения гармонии. – старец вновь подошел к одной из полок и, сняв с крючка свой балахон, вновь облачился в него. – Я вернусь на рассвете, чтобы пробудить вас и убедиться в том, что вы готовы отыскать свой путь в славный город Праги.

– Вы покидаете меня, мой господин? – изумилась я, тщетно борясь с внезапно настигнувшей меня сонливостью. – Но почему?

– Лесные деревья, чьи кроны роскошны, а корни источают причудливое благоухание, всегда требуют моего внимания, как и в любую другую ночь. То же касается и живности, обитающей как в них, так и над ними, и подле них. Спите, юная дева. И пусть сон ваш хотя бы в этот раз будет безмятежным. От этой ночи осталось немного. Скоро она обратится плени-

тельным рассветом, который был бы куда более зрим для всех нас, если бы не серая мантия небосвода, которую он уже, кажется, отчаялся когда-либо сбросить.

XIII

Медь солнечных лучей встретила мое пробуждение. Она наполнила мою душу искренним ликованием, ведь на этот раз явление лучезарного диска, которому возносили молитвы еще народы Египта, кажется, воистину состоялось, и не было мимолетным. Настал ли тот момент, когда можно было начать все заново, я не ведала, но уже тот факт, что я задалась этим вопросом, придавал мне силы и волю к действию в ожидающем меня новом дне.

Сбросив с себя тяжелое кожаное покрывало, я приподнялась на ложе. На столе предо мною уже стояло некое блюдо с едой, равно как и глиняный сосуд с живительной жидкостью внутри. Мне стало совестно, что обо мне столь усердно заботятся, поэтому, съев лишь столько, сколько следовало, чтобы подкрепить силы, я вышла из обители, надеясь скорее встретить ее хозяина и продолжить свой путь. Так и случилось – владелец сего места ждал меня неподалеку от порога, стоя спиной ко мне и подняв голову к небу.

– Сегодня воистину чудесный день! – молвил он, заслышав мою поступь. – Я рад видеть вас, юная дева, как рад видеть выглянувшее наконец солнце, которое рассеяло проклятую мглу.

– Благодарю, – молвила я. – Полагаю, скоро нам надлежит проститься. Однако прежде мне стоит выразить вам искреннейшую признательность за прекраснейшее по своему радушию гостеприимство.

– Я принимаю вашу благодарность. Но, как и обещал, проведу вас только до границы своих владений, – сказал в ответ старец, протягивая мне руку. – Там и простимся! Пойдемте же!

Пока мы шли сквозь лесную чащу, благоухающую ароматами природы, многие из которых вызвали у меня изумление, я внезапно почувствовала, как в моей душе рождаются новые вопросы к старцу.

– Каково ваше имя, добрый человек? – робко спросила я.

– Имя? – удивился старец, его едва заметные брови причудливо изогнулись. – Разве вправе кто-то спрашивать другого человека о наиболее сокровенном, что у него имеется – об имени?

– Простите меня, я не ведала, что то, что принято у нас и для нас привычно, что кажется нам достойным вопросом, окажется для вас речами бесстыдства!

– Бесстыдство! Да, в вас говорит именно оно! – воскликнул старец странным голосом, похожим на крик стервятника, ищущего мертвецов для своего нечестивого пира. – Но я прощаю вас, ибо в вашем случае оно действительно порождено неведением. У меня нет сомнений в том, что вы не знаете ровным счетом ничего о степени сакральности любого имени. Поверьте мне, имя – это то, что наиболее реально среди всех иллюзий. Оно является тем, что не должно быть разглашено, и не зная этого правила, мы обрушиваем на себя всевозможные беды. Посему не спрашивайте меня о моем имени. Я не в силах поделиться тем, что имеет для меня величайшую из ценностей – тем единственным, что действительно принадлежит мне!

Возмущение все явственнее проступало на лице старца с каждым сказанным им словом. Решив не искушать судьбу, я предпочла продолжению беседы тишину. Чтобы не пересекаться взглядом с удивительным спутником, я смотрела лишь перед собой, стремясь обратить взор вдаль. В одно из таких мгновений созерцания я, кажется, вновь узрела меж деревьев силуэт белого волка. Похоже, теперь зверь смотрел на меня с нескрываемой злостью. Впрочем, едва я только осознала возможную враждебность, исходящую от него, животное будто бы испарилось. Там, где оно было еще мгновение назад, теперь произрастал кустарник с красными ягодами, что по поверьям знахарей содержали в себе смертельный яд...

Все это заставило меня задуматься: быть может, я действительно обращаю все душевные мысли и состояния свои в видения, которые на самом деле иллюзорны? Быть может, вся чело-

веческая жизнь действительно представляет собой иллюзию, обрамляющую своей волшебной эмалью – подчас гладкой, словно мрамор, а подчас шершавой, будто бы гранит – необъяснимое, именуемое бездной? Но если так, то где в этом немислимом чертеже бытия нашего место Богу и его небесному престольному граду? Многие не сходились в геометрии моего миропонимания, конструкция которого была варварски нарушена тысячами инородных вкраплений – богохульных и языческих тезисов, услышанных здесь и там ранее и услышанных, наконец, от моего нынешнего собеседника. Так не должно было быть, и я искренне желала молить Господа о том, чтобы он упорядочил мой разум. Но могла ли я просить об этом теперь, когда помимо воли моей мой рассудок начал бунт скептицизма против меня же самой, моей веры, моего Господа и моего спасения. Я сдерживала его до поры, но с каждым разом вопросы, задаваемые мною себе же самой, своим помыслам и основоположениям становились все острее и невыносимее. Мне надлежало разрешить их, пока на то еще было время...

Очнувшись от глубоких раздумий, я обнаружила, что мы стоим на опушке леса близ причудливо переплетенных между собой трех ясеней. Рядом с их многолетними стволами располагался изъеденный временем молеальный камень с покосившимся и почти сгнившим крестом в честь преподобной Людмилы. Близ него лежал ворох хвороста, в котором с трудом угадывались некогда пышущие жизнью полевые цветы. Именно отсюда брала свое начала уже практически заросшая сорняком дорога – наподобие той, что привела меня в деревенскую церковь. Она уводила прочь в недра холмистой равнины, в травянистом теле которой я должна была найти свой путь в княжий град. Запустение царило вокруг. Старец не обращал на меня никакого внимания, но стоило его взору упасть на святилище, как он, содрогнувшись то ли от брезгливости, то ли от напряжения, холодно бросил: «Именно теперь мы должны проститься. Последуйте моим советам, и вы оградите себя от всех напастей».

После этих слов мой спутник обратил свой взор на меня и начал пристально всматриваться мне в глаза. Лед его слов всецело перешел во взгляд, обжигая до такой степени, что мне пришлось отвернуться. Когда же я нашла в себе силы вновь посмотреть на него, чтобы спросить о причинах его столь странного отношения ко мне, я не увидела рядом с собой никого. Лишь в отдалении, где-то в оставшейся позади чаще леса слышалось удаляющееся карканье ворона. Оно становилось все тише и тише, стремительно обратившись наконец в гробовое безмолвие. С тех самых пор величественный крик мудрой птицы, где бы я ни слышала его, всегда напоминал мне о загадочном лесном старце, чей лик пронзали серебряные цепи. Впредь я никогда более не видела его.

Итак, вновь в гордом одиночестве, ощущая на своей коже солнечное тепло, я начала свое шествие по судьбоносной дороге сквозь неравномерное тело равнины, всеми силами стараясь приблизить свое пришествие в Прагу. Полуразвалившаяся брусчатка вела меня сквозь многочисленные возвышенности и плато, поросшие чертополохом, подорожником и густыми кустарниками всех мастей. Взираясь на каждый из холмов, я готовилась вот-вот увидеть возделенную Стелу и за ней чертоги славной Твердыни. Однако действительность иронично вырисовывала мне все новые и новые отрезки пути, каждый из которых в своей отстраненности и самодостаточности походил на предыдущий.

Хотя траурная скорбность плачущих небес стремительно сменилась долгожданным солнечным светом, его давящая природа, вымывающая из сущего жизнь, едва ли приносила облегчение. Все вокруг словно застыло в тлене янтарных лучей и хроническом безветрии, опостылевшей безнадежности и тошнотворной враждебности к любой мысли, которую можно было бы назвать добродетельной и жизнеутверждающей. Все было растянuto в бесконечность, от смоляной вязкости которой хотелось броситься на землю и более никогда не вставать.

XIV

Мое одинокое шествие, полное тревожных ожиданий и беспокойных мыслей о грядущем, на этот раз закончилось весьма скоро. Преодолевая очередной холм, пытаясь не сбиться со становящейся с каждым шагом все призрачнее каменной дороги, что утопала в зарослях полевых трав, я была неожиданно окликнута неким слабым голосом. Осмотревшись, я увидела неподалеку изможденного человека в ветхой робе. Всем своим видом он напоминал паломника, ищущего свой путь к встрече с чудом. Одну из ног ему заменяла невзрачная деревянная жердь, а в руках покоились костыли. Лицо путешественника было скрыто от моего взора множеством тряпиц, связанных воедино и обмотанных вокруг головы.

Несмотря на стойкое желание пройти мимо, я помнила о своем долге проявлять милосердие к любому, кто нуждается в нем. Хотя признание сего долга стоило мне немалых усилий, я с радостью нашла в себе силы превозмочь гордыню и поступить в этот раз как должно, а не так как хочет мое вероломное и греховное сердце.

– Чем я могу помочь тебе, путник? – спросила я, подходя к собеседнику ближе.

– О, сестра, прошу вас, выслушайте меня, выслушайте мою историю! Облегчите мою духовную ношу и дайте мне силы продолжить мое странствие... спастись, не пасть! – в словах паломника слышалась едва ли не осязаемая, смертельная нужда в сочувствии. Впрочем, им вряд ли двигало слепое безумие, ибо речь его была отчетлива и вразумительна.

– Говори, добрый человек! Просто скажи, что хочешь сказать. Я выслушаю тебя и постараюсь помочь словом, а может и чем-то большим.

– О, небеса, я славлю вас! – воскликнул калека, подняв один из костылей к небу, будто бы клинок, а после проговорил. – Меня зовут Арам. Некогда я дал обещание одному человеку, которое был не в силах исполнить, и теперь не нахожу себе места. Гонимый стыдом и неспособностью отвечать за свои слова, я превратился из заступника веры в искалеченного безумца, бесцельно мечущегося каждый божий день в хаосе нашей действительности. Здравый смысл стремительно покидает меня с каждым днем, и пока я сохраняю его остатки, я хотел бы обратиться к вам за помощью. Мой вопрос очень прост: скажите, как мне прекратить бегство от самого себя, как вернуться к самому себе?... Встречу с вами, с земной посланницей Господа здесь – в сих отдаленных и безлюдных землях, куда я забрел в своем неверном скитании – я расцениваю как чудесное проявление божественной воли. Не разрушайте же моей последней надежды: прошу вас, помогите мне!

– Бог мой! – с изумлением, в растерянности проронила я. – Неужели вы, добрый человек, подумали, что в моей непреложной власти спасать души заблудших прямо здесь, на этом самом поле и что у меня есть на то санкция Всевышнего? Да если бы я и хотела этого, как бы я помогла вам советом, если ровным счетом ничего не ведаю о вас?!

– Мой разум, должно быть, совсем затемнен грехом! – чуть слышно пробормотал мой собеседник. – Я изрекаю бессвязный вздор!.. Пресвятая сестра, позвольте мне рассказать вам о себе. Быть может, уроки моего опыта будут полезны и для вас – в том или ином отношении. В конце концов, согласитесь, встреча двух заблудших душ на краю мира никогда не бывает случайной... Я же, со своей стороны, готов охранять покой ваших сновидений и сделать все, что скажете, только дайте мне возможность высказать то, что я хотел бы вам поведать!

Пусть калека, стоящий передо мной и был неприятен мне своим обликом, пусть лицо его и не было видимо мне, а его помыслы отторгали своей странностью, я подсознательно возрадовалась возможности хотя бы на короткое время отторгнуть от себя одиночество. А это значило очень много. Его история могла, как минимум, сделало мое шествие в Прагу менее утомительным, а может и действительно полезным.

– Что же, добрый человек, я разрешаю вам присоединиться ко мне. Я буду рада разделить свой путь с вами. Знайте, что я направляюсь в славный город Праги. Достигнув врат твердыни, мы должны будем расстаться.

– О, да! Не смею быть вам обузой, пресвятая сестра. Клянусь, всеми святыми! – утвердительно кивнул нищий. Его полудеревянная, получеловеческая поступь по испещренному ветрами и сорняком дорожному камню звучно разносилась по всей округе. Миновало не более полуторы сотни шагов, как хромой Арам начал свое повествование...

XV

«Некогда в Дамаске жил один уважаемый муж, отличавшийся невероятной силой веры, – начал мой спутник свой рассказ. – Приняв монашеский постриг, всецело отдав себя служению Господу, он, дабы усерднее исполнять свое назначение, покинул пределы города и отправился в пустыню Фаран. Проскитавшись среди песков долгое время, он, наконец, вышел на удивительную равнину, покрытую известью, что была расположена меж тремя горами. Именно там сей подвижник, пробудившись от одного из многочисленных вещих снов, принял решение воздвигнуть часовню во имя Славы Божьей. Прошло более десяти лет, прежде чем он преуспел в ее строительстве, но в награду за его труды и самоотверженную веру Творец наш направил в нововозведенный храм паломников со всех концов Христианского мира. Пусть в каменных сводах, возведенных на раскаленном песке, и не было подлинных реликвий, знаменующих божественное величие, люди вопреки всем опасностям, поджидающим их на пути, стремились попасть в это Святилище на краю света. Сам факт преодоления долгой и изнурительной дороги сквозь песчаные просторы Фарана означал для каждого добропорядочного христианина великий подвиг, а потому в случае успеха этого путешествия надежда на Спасение становилась для них явственней.

Прежде, чем я продолжу свой рассказ, вам будет не лишним узнать, что я также родом из одного небольшого сирийского поселения. Мой отец был плотником, мать же я никогда не видел. По словам отца она была убита грабителями, вломившимися в нашу бедную обитель, когда я был еще слишком мал. Материнская забота так и осталась для меня недоступным чудом – что в младенчестве, что в юности, когда я был полностью предоставлен сам себе, ибо отец был слишком занят своим ремеслом, зарабатывая гроши, которые едва позволяли нам сводить концы с концами.

Наше поселение сложно было назвать процветающим, и если бы не скромная церковь Христова из обожженной глины, построенная в его центре, оно уже давно сгинуло бы в пепле времен вместе с жителями. Собственно, в чертогах этой церкви я и провел большую часть первой половины своей жизни, помогая отцу Раману – священнику сих мест – в быту и получая за это скромную снедь, а также хоть какую-то надежду на завтрашний день. Сейчас я благодарю Бога за то, что он проявил ко мне доверие, разрешив пребывать в церкви даже тогда, когда солнце заходило за горизонт. Во многом именно поэтому, а также благодаря доброте отца Рамана произошло мое приобщение к грамоте. Чтение церковных книг и неуверенное, постепенное освоение арабского и латинского письма были одним из моих любимых занятий, не говоря уже о том, что они помогало мне постичь основы христианского вероучения.

Время шло и однажды наступил тот день, когда отец Раман умер. Я потерял человека, который был мне много ближе отца. Возжелав выразить бесконечную признательность моему учителю, а также стремясь укрепить свою и без того искреннюю приверженность гласу Господа нашего, я принял решение совершить паломничество в одно из святых мест. Я избрал целью своего путешествия Иерусалим, ибо сие место, святость которого несомненна, было одним из немногих святых мест, в существовании которого не приходилось сомневаться. Однако, незадолго до начала моего пути – то ли по воле Господа, а быть может просто по стечению обстоятельств – в наше поселение впервые за долгое время явился путешественник. Другие жители сторонились незнакомца, поэтому я, ощущая вину за их негостеприимство и надменность, постарался сделать все, чтобы предоставить скитальцу достойный ночлег. Я показал ему наш горный источник, проистекающий среди развесистых фруктовых деревьев, дабы он мог испить чистой воды и насладиться вкусом свежих плодов, а после предложил кров и постель, в которой спал сам. Именно тогда, помимо благодарности за достойный прием, я услышал из его уст историю о Фаранской часовне и ее основателе.

Эта история так вдохновила меня, что я тотчас же возжелал побывать там, рассудив, что именно этот поступок станет моим идеальным паломничеством и прекрасным образчиком исполнения моего христианского долга. Я позволю себе не рассказывать о трудностях, что преследовали меня, пока я добирался до святого храма, возведенного в пустыне близ гор. В дороге со мной не произошло никаких невероятных происшествий, помимо обострения естественных потребностей вроде жажды, усталости и боли в телесных членах от невыносимой жары раскаленных песков. Хотя эти напасти и были весьма неприятны, они не были в состоянии сломить мой моральный настрой.

Кроме того, умение вычислять по звездам направление моего пути – за что я не устаю возносить благодарности моему второму отцу, владыке Раману – помогало мне стойко переносить все невзгоды. Добравшись до Фаранской часовни, я был радушно принят ее основателем и настоятелем. Благосклонное отношение хозяина сего места, а также просветленные лики тех немногих паломников, которые как и я сумели достичь заветных стен, вдохновляли на еще большие свершения. Пожалуй, в те минуты я ощущал подлинное счастье, ибо всецело понимал, зачем Господь даровал мне жизнь и чему мне надлежит посвятить ее. Если мне не изменяет память, я провел в Фаранской часовни три ночи, поселившись в миниатюрной келье, что была благосклонно выделена мне владыкой сих мест. Когда мое время в сих чертогах стало подходить к концу, я все больше задавался вопросом, а что же мне надлежит делать дальше. Моим метаниям на этот счет не было конца, так что я не нашел ничего лучше, чем обратиться за советом к хранителю часовни. Тот, внимательно выслушав меня и детально расспросив о моей жизни, без лишних раздумий предложил мне тотчас же отправиться в Иерусалим... Так с его легкой руки мне было поручено ответственное задание доставить в чертоги часовни Фарана любую из местных реликвий, которую я смогу достать.

Через несколько недель я оказался в Иерусалиме. Красота и возможности святого града настолько воодушевили меня, что прошло совсем немного времени, прежде чем я позабыл о том, зачем оказался здесь. Кроме того, вскоре после прибытия мне посчастливилось примерить роль уличного рассказчика историй, кои я создавал из своего опыта путешествий, приправляя их плодами своего воображением, которое оказалось не столь скудным, как я полагал ранее. Городским жителям нравились мои рассказы, поэтому довольно быстро я получил свой круг поклонников и вскоре уже не думал о том, где мне найти ночлег или пищу. Меня приглашали на постоянные дворы, в харчевни, а порой даже в дома весьма уважаемых господ. Моя жизнь шла в гору, но и это, как оказалось, был далеко не предел.

Однажды, когда я повествовал толпе пестрого народа о подвигах Геракла в собственном и весьма вольном переложении, ко мне, в сопровождении вооруженной стражи, состоящей из четырех людей в кожаных доспехах и с копьями в руках, подошел некий муж в богатых одеждах. Представившись Елифазом, и сказав, что передо мной стоит главный счетовод иерусалимского двора, он предложил мне стать одним из тех, кто развлекает знать на торжествах. Нужно ли говорить, что это было предложение, от которого я не мог отказаться?

Следующие два года я исполнял возложенные на меня обязанности при Иерусалимском дворе и не ведал ни в чем недостатка. Лишь только когда наступала глубокая ночь, в недолгие часы отдыха и сна, меня посещало острое чувство вины за то, что не держу свое слово, данное настоятелю Фаранской часовни. С каждым днем совесть все сильнее истязала меня и, в конце концов, принудила меня положить конец своему бездействию...

Арам остановился перевести дух. «Достопочтенная леди, прошу вас о небольшом привале», – молвил он, пытаясь справиться с одышкой. Я молча кивнула в знак согласия, доставая из складок своего одеяния молитвенник, дабы привести в равновесие не только свое тело, но и душу.

XVI

«Перед тем, как покинуть дворец, я воспользовался одной из своих привилегий, дабы исполнить наконец задачу нахождения реликвии, которая могла бы стать украшением Фаранской часовни. Дело в том, что в ту пору я сблизился с одним из смотрящих за королевской сокровищницей по имени Юсуф. Меня подкупила в нем способность к красноречию, благодаря которому едва ли не каждая наша беседа на свободную тему оказывалась для меня весьма ценной. Очень скоро именно благодаря Юсуфу я смог разнообразить те истории, которые уже рассказывал самому широкому кругу слушателей, и впечатлить их своими историями на новый лад. – За счет использования иных слов, выражений и оборотов, повествования мои раскрылись слушателям совершенно с другой стороны, обнаружив сотню многозначительных подтекстов и сокрытых смыслов. Все это существенно изменило то дело, которому я посвящал так много времени.

Впрочем, я немного отвлекся. Обратной стороной красноречия Юсуфа была его болтливость. Часто он был столь словоохотлив, что нужно было иметь немалую стойкость, чтобы выслушать все, что он хотел рассказать. Так, облачая однажды как обычно все возможные и невозможные детали бытия и инобытия в вычурные костюмы из слов, он обмолвился, что в одной из находящихся в его ведении комнат сокровищницы хранятся предметы, подаренные правителям города в те времена, когда он находился под властью христиан и королей-крестоносцев. Юсуф сказал, что ему приказано поскорее избавиться от них любым возможным и невозможным способом, ибо они нечисты и на них кровь сынов Пророка. Впрочем, он тут же заметил, что прежде все равно попытается продать их уличным торговцам, чтобы выручить себе на жизнь хотя бы что-то. Разумеется, я поддержал его в этом и выразил готовность в любую минуту осмотреть предлагаемые им вещи, чтобы помочь ему стать немного богаче. Вот так, без всяких уговоров и за весьма умеренную плату я стал в скором времени обладателем перстня святого Гильома Желонского. По преданию это кольцо даровало силы немощным и душевную крепость беснующимся, хотя с виду сие произведение ювелирного дела, увенчанное небольшим топазом, было весьма невзрачно. Признаться, из перечня «великих» предметов, оказавшихся во владении Юсуфа – святого оружия, разящего без промаха, нагрудников, благославленных самими апостолами, множества окостенелых фрагментов тел мучеников, источающих мед – сие кольцо было единственным разумным выбором. Символические тридцать монет даровали мне право владеть им...»

– Печать святого Гильома?! – воскликнула я, прерывая рассказ Арама. По моему телу пробежала дрожь.

– Да, именно сего достопочтенного мужа, доблестного воина света и страстного защитника веры, – подтвердил Арам. – Вас что-либо связывает с ним или, быть может, он является вашим покровителем?

– Не совсем, – в задумчивости молвила я. – Однако, занимаясь переписью манускриптов в родной обители, я регулярно встречала это имя... Пожалуй, мне хотелось бы узнать об этом человеке больше, если уж его незримый образ вновь возник в моей жизни.

– Увы! – опустив голову, проговорил Арам. – Я вряд ли знаю об этом человеке – кузене самого Карла Великого – что-либо, кроме того, что он обладал невероятной храбростью и фанатичной преданностью своему Господину...

Помолчав немного, калека добавил:

– Если мне не изменяет память, к концу жизни он ушел в монастырь, но буйный нрав воина не позволял ему наладить отношения с другими монахами. Тогда, дабы обуздать свой гнев и сохранить праведность, он основал свое собственное аббатство, а также занялся ювелирным делом. Говорят, что некоторые из его работ высоко ценились монархами со всего Хри-

стианского мира и были разосланы в самые разные части мира. Впрочем, не берусь утверждать, ибо сей факт может быть не более, чем плодом моего воображения.

– Значит, быть может, он был ювелиром... – вслух повторила я мысль моего спутника. – Что бы все это могло значить?

– Это вполне вероятно. Святых великое множество. Они оставили после себя не только свое слово, но и предметы, которые охраняют нас от невзгод и творят чудеса, а потому любимы и желанны нами, храня отблеск праведности их владельцев, – ответил Арам. – К несчастью, я мало что знаю о Гильоме в подробностях – кроме того, что это имя теперь упоминается в божеских окрестностях чаще обычного... Однако, позвольте я продолжу свою историю, пока я не потерял нить своего повествования...

«Итак, став обладателем заветной реликвии, со следующим рассветом я покинул Иерусалим. Мой обратный путь в Фаранскую часовню лежал через местность, именуемую Гефаим, где испокон веков жил ужасный лев невероятных размеров, пожиравший всех, кто рискнет ступить на его территорию. Мне также не удалось избежать встречи с царственным животным. Однако, едва узрев меня, зверь принял смиренную позу, даровав возможность пройти сквозь его владения. Я объясняю это исключительно волей Господа, который продолжал верить в меня и в который раз даровал мне защиту и возможность узреть новый день. Не покинул меня Господь и тогда, когда мой путь преградила орава головорезов. Они пытались убить меня, но стоило им обнажить свои изогнутые клинки, как с небес раздался звук ангельского горна, обративший их в бегство. Пока длился мой путь в фаранскую часовню, произошло и третье чудо. Чтобы скорее пересечь пустыню, отделяющую меня от храма, я присоединился к каравану, надеясь, что в сообществе подобных мне путь не окажется столь изнурительным. Как же я ошибался! На следующий день поднялась столь яростная песчаная буря, что торговая процессия сразу же сбилась с пути. Потерянные среди бескрайних просторов, мы были обречены на медленную смерть в борьбе с потоками песка и пылевыми смерчами. Один за другим от жажды и зноя рядом со мной гибли люди. Те, кто сумел избежать смерти от обезвоживания, исчезали в пучине зыбучих песков вместе с животными и скарбом. И твердь, и небеса возроптали тогда на нас, и не было надежды пережить их гнев.

Собственно, третье чудо и заключалось в том, что мне удалось пережить сие ненастье. После того, как буря рассеялась, я был, наверное, единственным выжившим из всего каравана, обнаружив себя погребенным под тушей верблюда, что верой и правдой служил мне все путешествие. Вряд ли подобное спасение могло свершиться без вмешательства свыше, и я до сих пор не устаю благодарить за него Создателя в моих обращениях к нему.

Вот так, после всех этих злоключений я наконец достиг порога Фаранской часовни. Ее облик ничуть не изменился с тех пор, как я впервые узрел ее – массивное здание из желтого камня, с продолговатыми окнами по всему периметру, с довольно большим черным куполом. Я не сомневался в том, что сами горы укрывали это святое место от ветров пустоши, что своим дуновением обращают в прах даже камень. Все, что мне оставалось теперь – это войти внутрь и водрузить на алтарь реликвию, которой предстояло на долгие века найти здесь свое пристанище».

XVII

«отворив дверь в святилище, которая высотой была в два человеческих роста, я очутился в вожденной конечной точке своего долгого пути. Вскоре печать святого Гильома была водружена мною на небольшой постамент близ алтаря. Здесь, как я надеялся, эта реликвия могла бы остаться до скончания времен, пока Господь не вознамерится призвать последнего из нас к себе. Это было последнее действие, которое отделяло меня от встречи с настоятелем – я должен был сообщить ему о своем успехе, а также покаяться в собственных проступках, из-за которых мое прибытие случилось позже запланированного срока.

В ожидании владыки я не покидал часовню довольно продолжительное время, однако он так и не появился и не дал о себе знать ни единым знаком. Практически никто не нарушил моего одиночества, кроме пары паломников, пришедших сюда свершить молитву. Лишь ближе к вечеру в зале появился престарелый муж, принявшийся оттирать имеющуюся вокруг утварь и мебель от пыли. Он и сообщил мне к великому разочарованию моему, что прошло уже более шести месяцев, как прежний владыка храма то ли по зову сердца, то ли по воле Святого Престола отправился в языческие земли неподалеку от славного города Праги, дабы преуспеть уже там в распространении Христианской веры. Его отбытие было скоростным и «гибельным» в том смысле, что мой собеседник, имя которому Самуил, остался едва ли не единственным в Фаранской часовне человеком, обученным грамоте и административному делу, чтобы присматривать за святилищем. С каждым днем по его словам, полным сожаления и страха, это становилось все сложнее и сложнее, ибо число паломников и пожертвований неуклонно сокращалось, церковный амбар пустел, а высшая церковная власть не спешила направлять в сей мгновенно забытый край своих прославленных духовных лидеров на замену ушедшему.

«Закончен ли мой путь и считать ли мое обещание основателю сего места выполненным?» – подумал я тогда, услышав последние новости Фарана. Поиск ответа на этот вопрос занял у меня едва ли не всю последующую ночь, которую я также провел не выходя (по неким загадочным причинам) из Фаранской часовни. В конечном счете, мои метания не имели никакого смысла, ведь в действительности все уже было решено на небесах. Стоило мне поверить в то, что мой долг исполнен, а сии стены, стремительно приходящие в упадок и погружающиеся в забвение, получили шанс на спасение благодаря обретенной ими реликвии, я тотчас же нашел для себя моральное обоснование быть предоставленным самому себе и покинуть Фаранскую часовню навсегда. К сожалению, с каждым моим шагом в сторону выхода это обоснование стремительно теряло свою убедительность, ибо по мере моего приближения проем во внешний мир все явственнее превращался в глухую стену. Мне не оставалось ничего другого, кроме как обернуться назад, дабы узреть небесного воина Христа в полной боевой славе, который потребовал от меня оставаться хранителем печати святого Гильома до тех пор, пока я не встречу с тем, кто отправил меня на поиски реликвии. Это значило, что мое путешествие было далеко от завершения. Именно при таких обстоятельствах состоялось мое отбытие из обреченной на смерть Фаранской часовни – в места, где обитают языческие народы, на другой край христианского мира».

XVIII

«Вероятно, я мог бы добраться до Праги значительно быстрее, если бы не усилившееся во мне безразличие – из-за того, что вновь мне предстояло истратить очередной отрезок своей жизни на подвижничество, пренебрегая своим покоем. Вспоминая свою страсть к житию во имя Бога и только него, которой была полна моя душа еще не так давно, теперь я с горечью был вынужден признать, что в мыслях своих я уже давно не мог соответствовать сему идеалу, но с радостью бы отказался от него в пользу спокойной городской жизни. К сожалению, отступить мне было уже некуда.

Из Фарана мой путь лежал в порт города Акры, а уже оттуда на одном из торговых судов – к берегам Франции, в Марсель. Признаться, мне пришлось немало потрудиться, чтобы убедить хотя бы одного из капитанов местных судов в том, что являюсь хорошим счетоводом и писарем, а не просто мошенником, стремящимся скрыться от стражи в другой стране, или авантюристом-грабителем, готовым ради наживы или удовольствия перерезать глотки всей команде корабля во время сна. Как бы то ни было, после ряда неудач я все-таки нашел общий язык с одним из покорителей морей. Жаль, что сие знакомство стоило мне едва ли не треть моих запасов монет, которых пусть и имелось тогда предостаточно, все же было куда меньше, чем в пору моего пребывания при дворе, ибо унести на себе я мог лишь пару кошель. Впрочем, вряд ли у меня был выбор, так что я не сильно жалел тогда о невозможности быть бережливым.

Уж не ведаю почему, но большая часть людей, с которыми мне пришлось делить свой путь через морскую пучину, явственно невзлюбили меня едва я только поднялся на борт их судна. Я постоянно ловил на себе их недобрые косые взгляды, всеми силами стремясь лишний раз не напоминать о себе и не покидать без крайней надобности своего соломенного лежака, расположенного в одном из самых темных и забытых всеми углов корабельного трюма. К сожалению, пустые, да разбитые ящики и груды всяческого хлама не сумели уберечь меня от распри. Гибельное семя вражды вопреки всем моим стараниям все же дало всходы.

В один из многих дней нашего пути, примечательный хорошей погодой и долгожданным солнечным светом, я, возрадовавшись сему факту, вышел на палубу, дабы хотя бы ненадолго побыть на свежем воздухе. К несчастью мое наслаждение безмятежной водной гладью оказалось скоротечным, ибо один из моряков, терзаемый то ли бездельем, то ли желанием продемонстрировать своим соратникам собственную удаль предательски подобрался ко мне со спины и ударил меня по голове так, что я тут же упал навзничь. Пока я приходил в себя, пытаясь привести в порядок глаза и вернуть утраченную способность видеть, сей головорез тщательно ощупывал мои одеяния в поисках чего-либо ценного. Когда же его нечестивые руки нащупали печать святого Гильома на серебряной цепочке, обвивавшей мою шею, он тут же вознамерился с победным кличем присвоить ее себе. Однако стоило ему прикоснуться к реликвии, как у всех на глазах его руки тут же усохли, превратившись в подобие безжизненных сорняков. А далее не миновало и половины дня, как он мучительно заболел уже всем телом, чтобы к концу дня отправиться в мир иной...

Стоит ли говорить, что сей случай положил конец моим притеснениям до самого конца сего вынужденного морского странствия? Благодаря ему я также прослыл среди оставшейся команды великим колдуном. Более никто и не думал о том, чтобы даже заговорить со мной, включая капитана, который, как и все, втягивал голову в плечи, стоило мне оказаться рядом с ним. Впрочем, несмотря на изменившееся ко мне отношение со стороны слуг моря, я продолжал исполнять возложенные на меня обязанности по переписи корабельного груза, ради которых я и был взят на борт этого корабля. Ввиду того, что путешествие через водную бездну заняло больше времени, чем я предполагал, сия скучная и неинтересная в иных обстоятельствах работа – вести перечень грузов, записывая их на ветхих свитках чернилами отвратитель-

ного качества – была одним из немногих осмысленных занятий, помогавших противостоять унынию. Она сменялась только убогой трапезой и созерцанием лиц моряков, изможденных тяготами моря и бесконечным пьянством, поэтому я нередко ловил себя на мысли, что даже это однообразное занятие начинало мне нравиться.

За день до того, как нам предстояло увидеть долгожданные берега, неожиданно разыгралась жесточайшая буря. Тогда моряки, рискуя быть смытыми за борт огромными волнами, начали бросать в бушующее море самые разнообразные вещи, попадавшие им под руку – вероятнее всего исполняя какой-то неизвестный мне ритуал. Не ведаю, что нашло на меня, но я присоединился к ним в сей безумной забаве. Пораженный в те минуты самым настоящим дьявольским умопомрачением, я вдруг решил выбросить за борт печать святого Гильома, которая в те мгновения показалась мне истинной причиной всех неурядиц последнего времени. Однако стоило мне поднять перстень над своей головой и замахнуться для броски, как черные небеса разверзлись, и появился ангел в золотом сиянии. Видимый должно быть лишь мне, он ледяным голосом повелел мне не сметь отступать от Бога и тотчас же прочесть спасительную молитву. Вняв гласу его, я сотворил молитву. И она воистину была спасительна, ибо ко всеобщей отраде она ознаменовала стремительное окончание смертоносного шторма. Следующий день наступил быстро – мы наконец-то прибыли в Марсель».

XIX

«земля Галлов и ее жители встретили меня холодно, если не сказать враждебно. Моя восточная внешность действовала на них подобно вражескому знамени, поднятому над разбитой армией их соотечественников где-нибудь на подступах к Триполи. Еще в порту, что был полон воинов Христа, отправляющихся в долгий путь на Святую землю, дабы освободить ее от иноверцев и распространить среди них истинное учение, я ощутил на себе тяжелые осуждающие или, в лучшем случае, просто брезгливые взгляды местного люда. Впрочем, сей нерадушный прием оказался не последним моим злосчастьем на этой земле. Вот, что произошло дальше...

На второй день после прибытия в Марсель, я имел неосторожность в поздний час зайти в одну из таверн, по-арабски попросив хозяина принести мне еды и вина. Мог ли я знать, насколько сильно его и прочих постояльцев сей харчевни, отравленных хмелем и оттого склонных к животной кровожадности, разъярит моя иноземная речь и необычный для сих мест овал лица – разъярит сильнее самого страшного оскорбления в адрес их матерей и детей? Все мои медяки были вероломно отобраны, а после я был жестоко избит этими негодяями прямо у порога постоялого двора на глазах у беззаботно прогуливающейся городской стражи, не проявившей к творившемуся преступлению ни малейшего интереса.

Визит в таверну стоил мне не только всех моих денег, сломанных ребер, пальцев и выбитых зубов – я стал превращаться в искалеченного бездомного отчаявшегося бродягу. Еще одним плодом сей горестной встречи стало появление на моих щеках некоего знака, напоминающего треугольник, что сии изверги в вероломном угаре выжгли мне раскаленной пламенем жердью, предназначенной для жарки мяса. Это было не что иное как клеймо, означающее для своего обладателя позор и вечный срам. Иначе как объяснить то обстоятельство, что все, кто видел его, тотчас же прогоняли меня едва ли не отовсюду, где я появлялся, бранясь при этом, по-видимому, последними словами?

Следующие несколько месяцев я скитался по всему этому северному континенту с необычайно промозглыми зимами – из города в город, из удела в удел, из прихода в приход. Я потерял множество дней впустую, пытаюсь отыскать путь в чешскую землю, ибо никто из встречавшихся мне людей не пожелал помочь мне ни советом, ни добрым словом. Даже в церковных приходах и монастырях, которые время от времени встречались мне на пути, ключники и привратники чаще всего встречали меня надменным молчанием и минами, полными отвращения. Они позволяли мне остаться на ночь в их чертогах скорее из-за страха перед своим настоятелем, нежели из собственного стремления поступать по-христиански и давать кров убогим и нуждающимся. И сие несказанно печалило меня, ибо я видел, что вокруг царят дикие нравы, и что далеки их обладатели от того, чему учил нас Господь, и что никто не в силах это изменить. Мне оставалось лишь молиться как за себя, так и за сих людей, чтобы души их все-таки воспряли когда-нибудь над изъедающим их пороком и неведением, чтобы стали они ближе ко Христу, и чтобы стали достойны называться истинными христианами, как стремились они к тому по виду, облачаясь в монашеские рясы...

И все же любой приют в божьем доме был для меня великим подарком судьбы в те непростые дни. Ибо большую часть своего шествия в чешскую землю я проводил в борьбе с голодом и холодом, постоянно подвергаясь опасности быть растерзанным дикими зверями или зарубленным солдатами местных графов, баронов и еще Бог весть кого. Впрочем, все эти невзгоды, казавшиеся мне тогда апогеем моих несчастий, были лишь прологом к действительно суровым испытаниям, которые избрал для меня Господь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.